Распутье

Автор:
Тальяна Орлова

Распутье

Тальяна Орлова

Егор Серебрянский

ЛитРес: Secrets

Он – сила и власть, он держит мир в ежовых рукавицах. И нет большего счастья для красивой куклы, чем стать его женой. А что потом? От криминальных авторитетов не уходят, их нельзя разлюбить, и уж тем более – помыслить об измене или предательстве. Но приоритеты меняются, а возникшая страсть к другому неумолима – она душу на части рвет, сводит с ума невозможностью быть вместе. Сначала нужно вырасти над собой, научиться противостоять и перестать быть просто красивой куклой.

Тальяна Орлова, Егор Серебрянский

Распутье

Глава 1

Красивая кукла

Примерно с такого определения начал наше знакомство мой тогда еще будущий муж, хотя он думал, что похвалил: «Какая хорошенькая куколка!», не вкладывая во фразу никакого негативного подтекста. Но с каждым годом эти слова впечатывались в мой мозг все глубже. Красивая кукла, Ваня никогда не ошибается в людях.

Мы познакомились в такой момент, когда мне необходима была любая поддержка. Я любила его – за тот воздух, который он вдохнул в мои легкие. Любила, несмотря на то, что он на тридцать лет старше – кажется, я этого вовсе никогда не замечала. Иван Алексеевич Морозов буквально сносил с ног аурой силы и власти, в таких молодые красивые куколки способны влюбиться без оглядки. Не удержалась и я – полетела в него, как в пропасть, с разбега понеслась в свою стабильность и счастливое будущее.

И, быть может, такой срыв был спровоцирован предыдущими двумя годами безнадежности. Мама умерла, когда я только поступила в музучилище. Дети, пусть и восемнадцатилетние, никогда не готовы к подобным событиям – а я была готова к ним меньше прочих. Отца на похоронах видела, но он поспешил выразить соболезнования и побыстрее раствориться в горизонте – ровно так же, как растворился в нем почти сразу после моего рождения. И я осталась одна. Московская квартира, конечно, давала мне преимущества, которых не было у многих других, но с навалившейся новой жизнью я не справлялась. Учебу пришлось бросить, квартиру сдать побоялась – наслушалась страшилок, как иные жильцы разносят мебель или обманывают с оплатой. А к кому я обращусь, если меня обманут? Искать отца, растворенного в горизонте? Так и он не справится – трус, который не выдержал когда-то даже тяжести незапланированного ребенка, что с него взять? Психологи отчасти правы – все проблемы из детства. Неудивительно, что я на подсознательном уровне не выношу в мужчинах признаков слабости.

Все же мне удалось найти работу – приняли в небольшое модельное агентство. Благо природа помогла: внешностью и светлыми волосами я пошла в маму, а от отца приобрела лишь рост. Когда-то в подростковом возрасте ощущала себя несуразной и угловатой, будучи самой высокой в классе, но после этот козырь и сыграл свою роль. Устроившись в агентство, невольно начала мечтать о том, что

жизнь вот-вот наладится – подзаработаю и вернусь к учебе. Вряд ли я обладаю несравненным талантом, но музыкой занималась с раннего детства и довольно усердно. Или заработаю столько, что мне никакие дипломы нужны не будут, а вокалом и сольфеджио можно заниматься и на дому, с самыми лучшими репетиторами из того же самого музучилища или даже консерватории. С такими мыслями я и засыпала, повторяя себе, что нужно только немного подождать. «Немного подождать» – самое глупое заблуждение, с которым сталкивается любой человек, пока не вырастет до осознания, что ожидание – это не жизнь, а всегда ее преддверие.

За выход на подиум платили копейки, но изредка девчонки прорывались: кто-то на большие столичные показы, кто-то попадал в штат к известным дизайнерам, кто-то уже укатил за границу, чтобы пробиваться там, а кто-то – самые везучие – попадали в рекламу. Мы же, ожидавшие поворота фортуны и в нашу сторону, едва сводили концы с концами, но понимали: иначе судьба нас и не разглядит. Ведь вон их сколько, которых уже разглядела. Иллюзия близости мечты сильно сбивает прицел.

Вика, к примеру, в этой иллюзии пребывала уже семь лет, но все еще верила – как будто не понимала, что еще немного, и ей даже мелкие подиумы не светят, всегда найдется свежая кровь. Дура наивная. Мы все были наивными дурами. Но именно Вика первой из моих подруг сдалась, перейдя в эскорт. Об этом способе быстро заработать я узнала уже через неделю после устройства в агентство. Шеф никого не принуждал – наоборот, это выставлялось чем-то наподобие бонуса: богатые клиенты готовы дорого заплатить, чтобы красавица-модель скрасила их вечер. Девчонки ездили на банкеты, но до такой степени наивной я все-таки не была, чтобы не понимать – не только на банкеты. Не за банкеты богатые дядечки выкладывали крупные суммы нашему шефу. И до таких заработков я опуститься не могла.

А через несколько месяцев дошло откровение: не фортуна выбирала везучих, это самые смелые пробивались любым путем. И уж точно не гнушались «выходом в свет» в качестве эскорта – особенно туда, где можно было обзавестись полезными связями. Вот и Вика сдалась. И как-то сразу посвежела, будто выспалась. Вероятно, именно такой эффект производит смена надуманной мечты на реальные планы. У нее и огонь в глазах появился, как если бы она перестала тяготиться своим возрастом и неизбежным списыванием в утиль. Я промолчала тогда – не сказала, что не пройдет и пяти лет, как ее отправят в утиль и из эскорта. Вряд ли развращенным деньгами и властью богатым

старикам нужны тридцатилетние проститутки.

Но однажды Вика меня уговорила отправиться с ней на подобный банкет.

– Я серьезно говорю, Лиз, – шептала она. – Просто сидишь и звонко ржешь. Там народу много, но моделек зовут для создания атмосферы – отличный способ шикануть перед приятелями. Потом, само собой, сауна и «Вы здесь впервые? Не покажете мне дом?», но я научу, как зубы заговаривать. И мне сигналишь – я клиенту дом и покажу.

– И за что мне заплатят, если я буду просто смеяться? – я недоверчиво хмурилась.

– Заплатят. Не столько, конечно, но тебе же любая копейка нужна?

Нужна. Я вздохнула. Знала, что опасно, и если вляпаюсь, то никто не поможет. Хотя на вечерах такого уровня беспредела почти и не случалось, как рассказывали «эскортницы». И Вика была почти единственной, с кем мы всегда держали связь – поддерживали друг друга, как умели. Она не просто так уговаривала – ей хотелось, чтобы я со стороны посмотрела, морально привыкла. И потом, через пять или десять банкетов, тоже пошла «показывать дом». Но и это она планировала лишь от заботы обо мне. И я согласилась – дала слабину, даже распознав ее мысли. Просто устала от непреходящих проблем, вымоталась до лоскутов и разрешила себе хотя бы глянуть собственными глазами.

И там действительно не произошло ничего ужасного. Разве что один из гостей прижимался слишком тесно во время танца. Но был он приятен и вежлив, а исчезнуть в нужный момент получилось запросто. И шеф заплатил – тоже копейки, но к остальным копейкам хоть какой-то плюс. На следующий банкет я шла уже легче. На нем меня облапал перепивший директор банка. И снова пережила – выкрутилась, отступила, и хохочущая Вика почти незаметно заняла мое место. Риск в таких мероприятиях всегда оставался, но я убедилась, что раньше его значительно преувеличивала. А разве я ничем не рискую, когда поздно ночью добираюсь по темным улицам домой? Да еще больше! Здесь-то гости друг перед другом лицо держат, потому окончательно его не теряют, а волю себе дают уже в сауне или в приватных комнатах.

И на третьем банкете я встретила Ивана.

– Какая хорошенькая куколка! – он начал с того, что присвистнул мне в спину. – Не составишь компанию старику за столом? А то меня с какими-то политиками усадили, как будто среди них есть симпатичные!

Он не был стариком – очень широкоплечий, подтянутый, мускулистый мужчина под пятьдесят. Дорогой костюм не убавлял ему возраста, зато прибавлял солидности. Некрасивый, на мой вкус, слишком тяжеловесные черты лица и довольно небрежная прическа из коротких русых волос, но такой, который всегда в центре. Даже если стоит в лестничном пролете. Я времени в тот вечер не замечала – села с ним рядом за стол и звонко смеялась, как положено. И не уловила, как начала говорить о том, что с клиентами обсуждать не принято. Но было легко – так легко, как за последний год ни разу не было. В общении Иван был грубоват, иногда проскакивал мат, но это выходило как-то естественно – явно сам не замечал. Или наоборот, замечал и осознанно шокировал вычурных политиков. Он мне просто понравился – ничем и всем сразу. Воздухом этим, который вокруг него сконцентрировался. И тягучей львиной расслабленностью, которую себе может позволить только царь зверей. Тем не менее я вовремя улизнула – ушла в дамскую комнату и больше за стол не вернулась. Он не выглядел слишком заинтересованным, но все-таки конкретное предложение на интим могло прозвучать.

Иван появился на следующей неделе в агентстве – с охапкой роз и предложением:

– Лиза, а пойдем в ресторан?

И я пошла – почти бездумно, ошалев от осознания счастья, что мои внезапные чувства оказались взаимными. Пошла бы в тот момент, куда бы ни позвал: в ресторан, в клуб, на ипподром, к нему в спальню и замуж. Все произошло слишком быстро, но я могла только радоваться. У меня вихрем кружилась голова от происходящего. Я такой жизни и не знала, а Ваня ее мне показал. Между нами не было ничего общего, и я уже тогда не обманывалась: он воспринимал меня красивой куклой, которая, к вящей радости, оказалась способной и поддержать беседу. Он женился на мне, отчасти следуя моде, – все мужчины его достатка и круга обзаводились молодыми женами и еще более молодыми любовницами. Меня это не смущало – я была благодарна за то, что темные дни, вместе с агентством, остались в прошлом, а моя горячая влюбленность в его характер, личность, излучаемое могущество, прямолинейность и редкие улыбки

не оставляла выбора. А еще вдохновляло его отношение ко мне, в котором явно прослеживались теплота и забота, чего со временем становилось только больше.

Смущало меня другое – Иван никогда не посвящал меня в свои дела открыто, но как будто особо и не скрывал, потому о деталях догадаться было несложно. По коротким разговорам, по обрывкам фраз, по его людям и телохранителям, всегда носящим оружие. Будучи еще невестой, я уже понимала, что выхожу замуж за криминального авторитета. Но и это меня не остановило – как-то наоборот, я смогла убедить себя, что такой человек и не мог появиться из другой среды. Я любила его так сильно, что готова была не замечать собственные внутренние сделки.

Ваня не изображал из себя романтика, но давал все, что мне было необходимо. Рабочие вопросы при мне никогда не обсуждались, хотя, живя в том же доме, я все же улавливала некоторые темы, не желая в них вникать. Иван работал не только на наркорынке, под ним строились гигантские преступные структуры, вытекающие одна из другой. Красивой кукле не положено знать подробности – я их и не знала. Зато быстро научилась быть лишь придатком к сильному мира сего. Теперь меня водили на выставки и приемы, гордились мною, показывали меня, как великолепный аксессуар, меня любили и берегли. И я старалась соответствовать – каждый день напоминала себе, как мне повезло когда-то встретить Ваню. И пела я только ему одному – старинные романсы, аккомпанируя на рояле. Он просил этого, когда возвращался из какой-нибудь командировки – обычно уставший, вымотанный и небритый. Наливал в стакан водки и спрашивал:

– Лиза, не споешь?

И я пела, на полчаса забывая, кто он есть. Любила эти моменты особенно сильно, ведь и Иван выглядел так, будто сам забывал, кто он есть.

Между нами никогда не случалось серьезных ссор. Хотя он иногда срывался – я через стены слышала, как он кричит на своих людей. В огромном доме, больше похожем на замок, у меня были отдельные покои – почти как королевская опочивальня, которую супруг посещает лишь по необходимости. Ваня оказался нежным любовником – аккуратным и внимательным. Но через год семейной жизни секс начал его интересовать все меньше, он «наелся» молодой красавицей, вновь с головой погружаясь в заботы. Тогда мне стало его не хватать. Подозреваю, что он не заводил себе любовниц. Просто предполагаю –

из его характера и темперамента. Для Ивана вся жизнь состояла в его черном рынке, общения ему хватало с подчиненными. Верный Коша уж точно знал о моем муже больше, чем знала я. А мои задачи свелись к тому, чтобы хорошо выглядеть и не раздражать назойливостью, когда у любимого супруга нет на меня времени.

Когда-то я безумно радовалась нашей свадьбе и не успела поразмыслить о том, что происходит после нее. Оказалось, что ничего. У меня теперь были украшения, брендовая одежда и любые вещицы, стоило только глянуть заинтересованно на витрину. Я мечтала вырваться из бедности, но перемахнула сразу на вершину бытия – и вот, весь мир под ногами… а взять из него нечего. Заикнулась про возвращение в музучилище – и тогда получила первый резкий отказ:

– Нельзя, Лиза. Ты ведь должна понимать, что у меня немало врагов. Мне все семь этажей училища охраной обложить, чтобы ты там в игрушки свои играла?

Я понимала разумность доводов и не спорила. А репетиторы, о которых раньше мечтала, почему-то теперь стали не нужны – мне хотелось именно выйти, убраться хоть ненадолго с этой вершины мира и пообщаться с людьми, а не вооруженными роботами. Я тогда так расстроилась, что обвинила его в банальной ревности, но Ваня лишь расхохотался, не принимая упрек всерьез именно в таком контексте. Но он прав – у него не будет причин ревновать никогда, а его склонность к собственничеству я почти сразу распознала, когда он после первой нашей ночи восхищался, что я оказалась девственницей: для него невинность оказалась важным атрибутом, сразу повысившим мою ценность. Его ревность никоим образом не была связана с комплексами, как у многих других людей, он просто делил все на свете на «свое» и «чужое». Иван Морозов ревнив, но не только к своей женщине, он ревнив к своим людям, к своим районам, к своим рынкам – и, может, как раз по этой причине так успешен во всем. Иван Морозов не делится с чужими – это можно назвать его личным брендом. Любой, кто посмеет взять у Ивана Морозова без спроса хоть копейку, предпочтет сам себе выбить зубы. И обратная сторона его характера – он бесконечно щедр с теми, в ком видит верность.

Я старалась быть приветливой с прислугой и многочисленной охраной в доме – они отвечали мне вежливо, но избегали общения. Для поварих я хозяйка. А для телохранителей – красивая кукла их хозяина, которая иногда издает звуки. Я знала всех живших в доме, но, разумеется, и представления не имела о

настоящем количестве подчиненных Ивана. Чаще других видела Кошу, тень моего мужа, но и о нем, если задуматься, не знала ничего. Я даже разглядывать его на всякий случай не рисковала.

Про беременность всерьез пока не думала. Но Ваня не настаивал, у него от предыдущего брака двое взрослых сыновей, которых он упоминает не иначе как «спиногрызами». Парни по отношению к отцу тоже предпочитали держать дистанцию. Однако ж в случае денежной нужды знали, к кому обратиться. Ивана иногда бесило, что эта нужда возникала по три раза в неделю. Он не жаждет получить ребенка и от меня, а я все никак не могла определиться, хочу ли ребенка вообще.

Первые два года семейной жизни я потратила на соцсети и сериалы, окончательно превращаясь в куклу, как мне и полагается. Иногда читала форумы, где бедные женщины жаловались на мужей-алкоголиков или нищету, всякий раз повторяла себе, как же мне повезло. Вообще жаловаться не на что! Следующие два года семейной жизни я спустила на бессистемное образование – покупала себе дорогущие вебинары и лекции, изучая то дизайн, то психологию, то сложную науку вышивания крестиком, ни на чем не задерживаясь долго. Я просто забивала свое время короткими развлечениями – и тем успокаивала внутренних тараканов. Не на что жаловаться, безмозглые молодые девчонки мечтают о моей жизни, а мне она досталась просто так – стоило оказаться в нужном месте в нужное время. Тоска одиночества и тревога иногда накатывали, но никогда не находили внешнего выхода, – мне пора взрослеть, раз так сильно повезло в жизни.

Вкупе четыре года сделали из меня абсолютно другого человека, хотя мне исполнилось всего двадцать три – небольшая разница с теми девятнадцатью, когда я встретила Ваню, а я будто за это время переродилась. Я начала разбираться в видах шелка и позабыла, какова на ощупь синтетика. Я полюбила лошадей и разлюбила собак. Я могла играть одну мелодию на рояле по восемь часов кряду – и будто засыпала на это время. Иногда я звонила Вике, но со временем нам стало не о чем разговаривать. Она, удивив нас обеих, вышла замуж за простого инженера и бросила агентство. Но ее проблемы были будто из другого мира – как эпизод очередного сериала, немного надуманный и неестественный. И я ей теми же откровениями ответить не могла, поскольку у меня проблем не было вообще. По крайней мере таких, которые можно обсудить.

Некоторое время меня тревожил только один эпизод – он произошел незадолго до того, как мы отпраздновали третью годовщину. Я уже замечала, что при проблемах Ваня меняется: в такие дни он часто кричит на своих ребят, я его терпение на прочность не проверяла, предпочитая отсиживаться в комнате. Еще он в подобные периоды много пьет – разгонит всех, даже Кошу, сядет в гостиной на первом этаже, плеснет водки – выпьет, плеснет – выпьет. И так до тех пор, пока не осоловеет до невменяемости. Но ко мне в таком состоянии не подходил, исключение случилось только раз.

Он после каких-то затянувшихся проблем вернулся с гостем – уже на хмеле. Я вышла поприветствовать, и Ваня, как обычно, хвастался мною, как своим достижением. Незнакомца мне вообще забыл представить – настолько был пьян. Мужчина лет сорока сально ощупывал меня нетрезвым взглядом, и, стоило мужу это пристальное внимание заметить, как он попросил меня удалиться, чему я была только рада. Еще не хватало им петь и играть – Ваня мог об этом попросить, а я не нашла бы причин отказаться.

Они смеялись и пили до поздней ночи. Похоже, какой-то полезный человек. Но уже в четвертом часу утра дверь в мою спальню с треском распахнулась.

– Ваня?

Я подскочила, испуганно прижимая одеяло к груди. Ужасало то, что его странный гость ввалился в комнату вслед за мужем. Иван его ласково приобнял, направляя к моей кровати и пьяно спрашивая:

– Что, понравилась? Лизонька у меня такая, что не может не понравиться, верно? Ну, красавица моя, что же ты смотришь, как будто не рада меня видеть? – И снова гостю: – Понравилась?

– Красавица, Иван Алексеевич! Настолько прекрасная дама может украсить любую жизнь!

У него глаза какие-то странные, голубые, полупрозрачные и будто липкие. Они мажут по мне, раздевают, сразу до костей. Я это еще в гостиной заметила, как и муж. Но не представляла, что Иван захочет удостовериться, не показалось ли ему. И супруг начал говорить совсем немыслимое:

– Так чего же ты ждешь? Бери! Лиза очень послушная, а моему другу не откажет. Но ненадолго, уж будь другом! – и пьяно расхохотался. – Ночь себе укрась, большего твоя рожа не заслужила.

У меня вдох комком сжался в горле. Казалось, что мне все это снится – видится в больной фантазии от безделья. Со дня нашего знакомства я чувствовала себя защищенной – многое я могла бы сказать о своих сомнениях, но в этом была уверена. И никогда мне не приходило в голову, что от самого Вани меня никто не защитит… Еще хуже было осознание, что мне не дадут убежать, а разозлю – убьют. Сначала изнасилуют, отдадут этому сальному пьяному «полезному человеку», а потом убьют.

И гость подался ко мне с гнусной улыбкой. Я неконтролируемо метнулась с кровати к противоположной стене и заныла-завыла почти без слов:

– Ваня… Что же ты…

Меня никто не слышал. Мужик расстегивал рубашку, не отрывая от меня взгляда, – ведь ему дали разрешение. Но еще через шаг тяжелая рука легла ему на плечо, останавливая. А голос мужа прозвучал до мурашек холодно и абсолютно трезво:

– То есть так, да? Ты на чью жену хуй навострил, самоубийца?

Тот непонимающе обернулся и тут же получил кулаком в лицо. Ваня перехватил падающее тело за грудки и не дал рухнуть, нанося новый удар. И снова, и снова – мощно, уверенно. Мужчина хрипел, орал, а я зажала голову руками и тоже кричала. Муж просто озверел:

– Никакая гнида не смеет так смотреть на мое! Слыхал ты, падаль?!

Он избивал его так жестоко, что меня тошнило. Я жмурилась, чтобы не видеть, но, кажется, слышала хруст костей, а жертва со временем даже хрипеть перестала. И вдруг все стихло, но я все не отрывала пальцы от ушей и не открывала глаза, с трудом преодолевая рвотные позывы.

Тишина давила – сложно сказать, сколько прошло времени, но из непроницаемости меня выдернул тихий голос:

– Елизавета Андреевна, вы сегодня переночуете в гостевой спальне?

Я уставилась на Кошу, кривя губы до болезненных судорог. Он повторил вопрос, а потом взял меня за локоть и поднял. Я снова закрыла глаза, чтобы не видеть, и потому спотыкалась одеревеневшими ногами о ковер. Но держали меня железной хваткой и уверенно тащили к выходу.

– Коша, ты это… вышвырни его потом, – раздался снова пьяный голос мужа.

Мой провожатый ответил на ходу:

– Иван Алексеевич, ну какого черта? Грязи-то сколько.

Тот ответил почти неразборчиво, опираясь на дверной косяк:

– Руслан, хоть ты не нуди, чистюля хуев. Этот пиздюк у меня китайцев на трафике выебал и думал, что я не узнаю. А потом решил выебать мою жену… Да живой он. Вроде. Но вышвырни его так далеко, чтобы я его больше никогда не видел. Лиза, Лизонька… извини! Не хотел тебя тревожить, девочка моя…

– Идите спать, Иван Алексеевич, – Коша отреагировал за нас обоих.

Я не была в состоянии говорить или понимать. И не смогла отметить, что Кошу впервые назвали при мне не Кошей и даже не Кощеем. Похоже, муж совсем не в себе.

Меня впихнули в гостевую спальню, после чего Коша попытался уйти, но я вцепилась в его рубашку, заглядывая снизу в глаза.

– Мне страшно… страшно! – взмолилась, как будто от него надеялась получить какую-то поддержку.

– Успокойтесь, Елизавета Андреевна.

Он попытался оторвать меня от себя, но я еще крепче сжала пальцы, вопя громче:

– Страшно! Ты можешь это понять?

Коша наклонился и сухо повторил:

– Успокойтесь. И вам ничего не грозило. Худшее, что с вами может произойти, – если Иван Алексеевич с вами разведется. Вот тогда и будете истерить.

И в тот момент я очень сомневалась, что именно это самое худшее. Он так и держался в нескольких сантиметрах от моего лица, терпеливо ожидая, когда я соберусь и разожму пальцы, – вероятно, не хотел или не был уполномочен применять ко мне силу. Верная хозяйская собака, он выполняет приказы, а не утешает истеричек. Молодой ведь, всего лет на пять старше меня самой, – не самый симпатичный, неправильный какой-то, неулыбчивый, короткая стрижка темных волос, длинная шея с острым кадыком. Глаза только карие можно назвать красивыми, не будь они такими равнодушными. Руку дам на отсечение, что Коша никогда не улыбается – бессердечная тень моего бессердечного муженька. Ему даже имя не полагается, как и многим бандитам Морозова, и Руслана не на ровном месте переименовали в Кощея.

Мне удалось с трудом преодолеть судорогу и разжать пальцы. Стоять с ним рядом было не менее неприятно, чем вернуться сейчас в свою спальню.

Наутро Ваня умолял о прощении, пытался что-то объяснить и заверял примерно в том же, что вчера сказал Коша: виноват он передо мной только в том, что перепугал. Но ни одна гнида меня бы не коснулась, иначе он не мог бы называться Иваном Морозовым.

Я долгое время пребывала в апатии, но со временем все проходит. Забылся и тот случай, к тому же, больше ничего подобного на моих глазах не повторялось. Но именно в ту ночь я окончательно поняла, за кого именно вышла замуж. И что мне очень повезло, что Иван Морозов, чаще всего занятый делами и неромантичный, видит во мне только «свою девочку», а не врага.

А еще через год все начало налаживаться – Иван подался в политику. Мне сообщил, что пора уже выходить на свет, а руководитель он отменный – так

почему бы не использовать таланты? Я тогда очень вдохновилась – быть женой политика мне хотелось куда больше, чем женой преступника. У нас даже охрана в доме частично сменилась – и теперь я чаще наблюдала парней в чинных деловых костюмах, которые не производили впечатления людей, только вышедших из тюрьмы. Коша никуда не исчез, но с Кошей Ваня пойдет хоть в китайский наркопритон, хоть в бездну ада, хоть в политику. Было понятно, что в одночасье все не изменится, но хорошо, что хотя бы тенденция намечена – все же впервые в жизни Ивану Морозову понадобилась и репутация для покорения нового для него рынка.

Глава 2

Окончательно я расслабилась, когда в доме начали появляться люди из новостных каналов. Иван ничем не занимался вполсилы, с привычным рвением вовлекся и в политику. Я только теперь поняла, в каком напряжении жила все эти годы, боясь себе признаться в страхе – о нем говорили только частые ночные кошмары. А наяву я не задавала себе вопросов, чтобы на них не отвечать.

Но теперь новая жизнь уже не мерещилась – именно она и наступала, моя только роль никак не изменилась, поэтому я решила ее менять:

– Вань, я с ума схожу от безделья, – заявила как-то за завтраком.

Супруг мягко улыбнулся. Взгляд у него теплый – не знаю, кого видят его подчиненные и конкуренты, не знаю, кого видят новые друзья-политики, но на меня он всегда смотрел именно так.

– И что же ты придумала себе в качестве развлечения? Только не говори, что казино! – он решил пошутить, что делал редко и лишь в самом хорошем настроении. – Казино как хобби можно иметь, только если ты его владелец.

Я засмеялась:

– Нет, дорогой, обойдусь без таких игрушек! Я тут подумала – может, мне в спортзал начать ходить? Твои ребята там прописались – я слышала их разговоры. Там охраны больше, чем дома! Неужели мне и там что-то угрожает? Или теперь мне вообще ничего не угрожает?

Последний вопрос я задала вкрадчиво, боясь и надеясь услышать ответ. Но Ваня задумался и выдал, пожав плечами:

– Ходи в зал, коль хочешь. Хоть на кулинарные курсы, если они тебе сдались. Все, чтобы ты улыбалась, Лиза!

Его реакция вдохновила еще немного поднажать:

– Да зачем мне кулинарные? Лучше нашей Евгении Прокопьевны все равно готовить не научусь! А вот на курсы дизайна с удовольствием бы записалась.

– А дизайн тебе зачем? – муж весело поглядывал на меня. – Лучше того петуха в перьях, который нам в прошлом году первый этаж обустраивал, тоже не сумеешь.

– Кто знает? – я счастливо улыбнулась, поскольку встретила не холодный протест, как раньше, а настоящее шутливое обсуждение. – Может, он те же курсы когда-то закончил, а теперь вот, – я махнула рукой на безупречно стильную фреску на стене, – зарабатывает!

– Ага, бабла я ему тогда килограмма три отвалил, – припомнил Иван. – Но тебе-то, девочка, зачем грязной работой заниматься, когда в мире полно петухов в перьях?

И я продолжала, придерживаясь той же ироничной интонации:

– А может, я всемирно известным дизайнером стану? Тебя президентом изберут, а жена должна соответствовать – попу накачаю, английский подтяну и добью всех мировым именем!

Ваня зычно расхохотался, а потом кивнул:

– Записывайся, Лиза, куда хочешь. Я, старик, иногда забываю, какая ты у меня молоденькая – тебе жить надо, подружками обзавестись, с которыми посплетничать можно, интересами. Ты же у меня талантливая, а я запер талант и оставил только себе.

– Ты не старик! И мне не нравится, когда ты так говоришь, – серьезно ответила я и ничуть не кривила душой. Возраст шел моему мужу как никому другому, а по энергичности он заткнул бы за пояс любого восемнадцатилетнего парня. Абсолютно все рядом с ним блекли, не в состоянии затмить ауру силы.

И он не мог не чувствовать, что именно так я всегда считала. Но взгляд его стал еще теплее. Я выбрала самый удачный момент для подобного разговора – Иван пребывал в отличном настроении, в чем я тоже увидела знак изменения нашей жизни.

– И то верно. Поживем еще, Лиз! Теперь так поживем, как ты даже представить не могла. Но давай без перегибов, не будем рисковать. Если с твоей головы хоть волосок упадет, то я этот город в порошок сотру и через сито просею, но этим волоски на место не возвращаются. А безопасных мест не бывает – мне ли не знать? – он многозначительно усмехнулся. – Потому только с охраной, чтобы у меня сердце на месте сидело.

– Разумеется! – я и не рассматривала другие варианты, но радовалась все сильнее.

– Из своих парней посмотрю, у кого шкура потолще, чтобы в случае чего хватило спускать… Или слушай, а может, мы тебе телохранителя наймем? Ну, знаешь, такие в пиджачках и галстуках, как в фильмах про страшных негритянок. Такими пижонами и перед подружками похвастаться не стыдно.

Я уже смеялась до слез. Мужа я любила, но в таком настрое – просто обожала.

– Давай в пиджачке, Ваня. Буду носить его, как сумочку.

– Забили, красивая моя девочка. – Иван махнул вошедшему Коше, который молчаливым кивком напомнил мужу о встрече. – Поищу. Своим-то я доверяю больше, но моих в какие пиджаки ни ряди, а все равно бандитская наружность торчит, не спрячешь.

Коша на этой фразе растянул губы в скептической улыбке. Вообще-то, Ваня немного преувеличивает – вот, например, если с Коши стянуть вечную черную футболку и кожаную куртку и принарядить в костюм от Армани, то он вполне может сойти за интеллигента. А вот на некоторых, наподобие Славки, никакой костюм не налезет – Славка так раскачался, что одним своим видом устрашает. Машина по швам трещит, когда он за руль садится, куда уж какому-то Армани.

Ваня поспешил на встречу – пришел кто-то из очень важных гостей, но я все же успела перехватить его и чмокнуть в щеку, прошептав:

– Спасибо.

Не так уж мне был интересен дизайн или курсы английского, и вряд ли мне нужны подружки для сплетен, но сами эти изменения говорили о глобальном перевороте. Дышать сразу стало легче, как если бы я все годы жила под грузом, и он за одну минуту исчез. Летала по дому и прикидывала, чем займусь сначала, а через полчаса твердо решила – вот всем по порядку и займусь.

Настроение было преотличным, и, услышав о приходе Максима, я сама побежала в синюю гостиную – предупредить, что его отец некоторое время будет занят. Младший сын мужа был моим ровесником, но отношения между нами по понятной причине всегда оставались напряженными. Он внешностью пошел в мать, ни капли брутальности отца не унаследовал, очень красивый, но какой-то пустой, как если бы под презентабельной оболочкой не скрывалось жил. Он ко мне относился по большей части равнодушно – мы просто придерживались военного нейтралитета.

– Здравствуй, Максим! – я отвлекла парня от разглядывания картины над камином. – Иван занят, встреча с важным человеком.

– У него всегда встречи с важными людьми, – парень ответил и лишь потом обернулся, скривившись. – А, ты все еще здесь, Лизавета? Не заменили тебя на кого помоложе?

Примерно одинаковое приветствие всякий раз. Его отношение вполне объяснимо – детская обида за мать, себя и брата, которых Иван просто выдвинул когда-то из своей жизни. С его бывшей женой я виделась всего единожды, она никогда

сюда не приходила. Довольно красивая, но пожилая женщина, которая вообще никакого негатива ко мне не демонстрировала. То ли слишком спокойная, то ли достаточно мудрая, чтобы понимать: Иван женился во второй раз после нескольких лет развода, и для нее конкретно нет никакого значения, на ком: пустышке-блондинке-модельке или лауреатке Нобелевской премии.

– Как видишь. Могу я предложить тебе что-нибудь выпить?

– Выпил уже вчера. – Максим рухнул в кресло так устало, будто был старше своего отца. – Машину разбил. Отец опять орать будет.

– Покричит и купит новую. Как в прошлый раз. – Я заняла изящное кресло напротив.

– Ты воспитывать меня решила, мамочка? – Он ухмыльнулся. – Выискалась тут тоже. Но видишь ли, какая проблема, Лизавета, твои дни тоже не всегда будут такими сладкими. Не думаешь же ты, что раз выскочила замуж за самого Морозова, то до конца дней теперь будешь в жемчугах ходить? Ничего подобного. Стукнет тебе максимум тридцать, и пойдешь на списание. Не перевелись еще крашеные куклы на Руси, которые за деньги готовы на все.

Я старалась не реагировать на выпады, а в двадцатый раз это уже просто:

– Может, так и будет. Тогда и порадуешься.

– Будет-будет, – заверял Максим скорее самого себя. – Но хуже всего, что ничего ты с него не получишь. Вышвырнет в том, в чем в дом его пришла. Как нас вышвырнул. Так прими добрый совет от сыночка – начинай откладывать с маникюрчика уже сейчас.

Я отвернулась к камину, чтобы скрыть улыбку. Да, Иван от предыдущей жены отмежевался, но она живет в хорошей квартире в центре и вряд ли испытывает особую нужду. А сыновья его вообще преспокойно обращаются при необходимости: проигрался – папа долг заплатит, машину разбил – папа купит, в полицию попал за разбитую в пьяном виде витрину – папа отправит своих ребят и юристов, чтобы вытащили шалопая. Папа поорет, конечно, иногда подзатыльник даст, но проблему решит. Максиму ли жаловаться? Иван для них плохой отец, с этим сложно спорить, он вообще предпочитает с ними не

общаться и никаких теплых чувств не демонстрирует, но если речь идет только о деньгах и связях, то отшвыривается ими от предыдущей семьи, чтобы не припекали. И Максима наверняка именно это больше всего раздражает, а не то, что наш дом шикарнее квартиры матери.

И «советчик» разошелся, раз я не реагировала:

– Ты бесплодная, что ли? Хоть бы ребенка успела родить – тогда за счет него на улице не сдохнешь. Или фигурку боишься попортить? Так зря. Всегда найдется моложе, красивее и фигуристее.

Я невольно широко заулыбалась. А ведь теперь действительно можно и о ребенке подумать, я раньше в эти мысли не углублялась. За себя было страшно, а уж за ребенка – тем более. Но среда меняется! Папа у моего малыша будет солидным бизнесменом или политиком, а не каким-то главарем банды…

– Ты чего лыбишься? – не понял Максим. – Уже беременная? Поздравляю! – как выплюнул. – Страховка для корыстной суки.

Настроение он мне испортить не смог – наоборот, я улыбалась все шире, представляя, как забеременею, когда ситуация окончательно стабилизируется. И в моей жизни появится дополнительный смысл, которого я так долго ждала. Ответила, поскольку его больше раздражало мое молчание:

– Ты можешь не верить, Максим, но когда я выходила замуж за твоего отца, меньше всего думала о роскоши. Меня смущала его деятельность, но я не могла оторвать от него взгляда. Никому не нужная, даже родному отцу, я вдруг стала нужна – и кому? Настоящему граниту, стене, рядом с которой любая женщина была бы счастлива. За четыре года я только укрепилась в этом мнении. Если твой отец меня завтра разлюбит – я буду в отчаянии. Но только потому, что такого мужчину больше не встречу. В нем есть недостатки – я их вижу. И для меня важнее другое.

– А, так ты папика себе нашла? Детскую травму лечишь? – собеседник выловил только это. – Так это ненадолго. Увидишь молодой хер – сразу по постелькам заскачешь текущей кошкой, даже про роскошь забудешь. И у таких стерв есть гормоны.

Все-таки он кретин. Или я не умею объяснить? Или ему бесполезно объяснять? Покачала головой, но Максим продолжил:

– Или ты уже? Давай тогда и меня в очередь впиши! Любви до гроба не обещаю, но нуждающейся вставить могу.

Я закатила глаза к потолку, все же не выдержав:

– Изменить Ване – это все равно что себе изменить. А ты просто идиот!

Он подался вперед и спросил тише:

– Неужели совсем не нравлюсь?

Я разглядывала его лицо несколько минут, чтобы самой себе ответить. Холеный красавчик, таких девчонки обожают. Сказала спокойно и размеренно:

– Нет. В тебе нет ни грамма того, что могло бы вызвать во мне симпатию. Я каждый раз удивляюсь, что ты его сын – такой жалкий, инфантильный и ничем на отца не похожий.

Мой ответ его разозлил. Максим вскочил на ноги, встала и я, решив, что лучше уйти. Надо же, повелась на провокации и все же допустила скандал. Но уйти не удалось – он перехватил меня за локоть и развернул к себе. Притянул, попытался перехватить за талию. У меня от отвращения мурашки побежали. Я четыре года ничего подобного не испытывала! В последний раз меня лапали на тех банкетах с эскортом, и тогда я терпела, поскольку была беззащитной. Но я разучилась терпеть и разучилась чувствовать себя одной во всем мире. И потому бездумно залепила ему пощечину.

Получилось не слишком сильно – я своей вспышкой его неожиданно рассмешила. Максим меня не выпустил, но и к себе не притягивал.

– Что же так однозначно-то, Лизавета? Еще бы разок подумала. Или у тебя между ног чешется, только когда ты дряблый живот видишь? Показать, как выглядит молодое тело?

– Отпусти!

Он не пытался меня поцеловать или что-то подобное, просто издевался. Я не видела в нем страсти, я ему даже не нравилась – это была чистая провокация или проверка. Максим хотел достать меня насмешками, а я не собиралась ему объяснять, что кроме его отца у меня любовников не было и не будет, что мне плевать, какой там у него пресс. Да я тут накачанных самцов по двадцать в день вижу – один другого мужественнее, но никто из ребят Ивана не вызывает во мне и толики желания. Этому придурку не ответы нужны, а мое раздражение. А еще вероятнее, он в очередной раз проверяет любовь отца – что тот сделает, если я сейчас побегу жаловаться? Новую машину не купит? И тогда можно будет ныть с полным основанием: богатый папочка бросил сыночка на произвол судьбы. Таким слабакам обязательно нужно основание для нытья.

– Отпусти, гад! Меня от тебя тошнит!

Его отшвырнули от меня так внезапно, что я вскрикнула. Максим отлетел к стене, но не упал. Почти сразу выпрямился и осклабился:

– Да это шутка, Коша! Ничего я ей не сделал.

Коша оставался бесконечно спокойным:

– Юмор. Понимаю. За такие шутки, Максим Иванович, меня попросят сломать вам челюсть в трех местах. Потом оплатят лечение. Но я ломать умею так, что до конца жизни будет напоминанием.

Максим побледнел – он Кошу опасался сильнее, чем меня. Это я могла бы сыпать угрозами, которые ничего не стоят, но Коша Ивана знает как никто другой. Если он так говорит, то с почти абсолютной вероятностью так и будет. Я поспешила уйти, но все же в проходе остановилась и попросила тихо:

– Коша, не надо беспокоить такой ерундой Ваню. Мы просто повздорили, и никаких двусмысленных намеков Максим мне не делал.

Успела зацепить благодарный взгляд избалованного идиота и вышла. Максим был мне отвратителен, но и он услышал Кошины слова – больше подобного не

повторится. А я ни в коем случае не хочу, чтобы из-за меня Иван калечил собственного сына. Коша нам обоим дал ответ на незаданный вопрос, а что произошло бы, побеги я с жалобами. Все-таки не зря Максим так жаждет получить подтверждения любви отца, поскольку на самом деле любовь того очень относительна. Иван способен обидеть любого… ну, вот разве что у Коши и у меня полный иммунитет. Но только лишь по причине, что мы оба ни разу не дали повода нас упрекнуть.

О недоразумении я быстро забыла, вовлекаясь в новшества. Мне даже посещение тренажерного зала показалось приключением. Мы, конечно, с Ваней в люди выходили – на выставки, в театр, на приемы. Но там все не то и не так, больше вычурности, чем людей под ней. А в зале было иначе, потому и захватывающе, хотя окружали меня все те же лица, что и дома. Инструктор боялся ко мне подойти близко под косыми взглядами парней. Для них самих я была бесполым существом, но так лишь спокойнее. И понравилось, как тянет вечером перенапряженные мышцы, словно сила в них появлялась через эту боль. Со следующей недели начну ездить и на курсы, к тому времени Иван подберет телохранителя, которому сможет доверить мою жизнь.

Смена целей и направлений жизни были такими вдохновляющими, что я начала снова петь для Ивана после ужина, возобновив нашу старую традицию.

Глава 3

Через неделю я впала в беспросветную эйфорию, как если бы годами ждала освобождения в темнице, а теперь не осталось никаких преград для семейного счастья. Мне и мой телохранитель понравился – улыбчивый Саша, который уже наличием имени выделялся из основной банды. Дизайн мне давался трудно, но я наслаждалась каждым уроком и поездкой. Именно эйфория и усилила боль от удара до такой степени, что я позволила себе истерику – если быть точной, вторую истерику за все время своего замужества.

Я услышала, что Ваня вернулся домой, и решила поговорить с ним о ребенке. Он никогда и не возражал, но все же лучше еще раз убедиться, что он как минимум не возражает. Сама взяла на кухне поднос с чаем и отправилась в кабинет – я вообще любила это место уютной уединенности. Но, войдя, поняла, что муж не один. Перед ним сидел уже знакомый мне человек из городской мэрии, а Коша стоял у окна. Деловым разговорам я мешать не собиралась, потому быстро отступила назад. Однако не успела удалиться, услышав слова Ивана, который моего появления не заметил:

– Что же вы, Сергей Сидорович, сразу о своей проблеме не намекнули? Не беспокойтесь, вернут вам долги, еще и сверху приплатят за моральный ущерб. Коша, у того гада есть семья? Разузнай все. Умные обычно соображают без паяльников в жопе.

Коша не ответил, ожидая, пока я выйду. А у меня задрожали руки, кое-как удалось не выронить поднос. Но зазвеневшая чашка привлекла внимание Вани.

– Лиза, ты здесь?

– Я… Я хотела… чай… Добрый день, Сергей Сидорович…

– А, спасибо, красавица моя! – муж отреагировал добродушно. – Очень кстати! Дорогая, ты в порядке?

Я была не в порядке – я пребывала в жутком хаосе, и ума не приложу, как мне удалось все-таки уместить поднос на консольный столик. Хотелось сбежать, чтобы никто не видел навернувшихся слез – я почти никогда не плакала, но теперь не могла сдержаться. Это в такую политику он ушел, это так друзьями обзаводится? Кому я врала все это время? У Вани же связи и натасканные ребята – глупо было считать, что он в один день превратится в законопослушного человека. Ничего не закончилось – если он вообще собирался заканчивать – просто изменил внешний имидж…

Я была готова кричать прямо там – и плевать на посторонних. Но Иван заткнул мой порыв вскинутой рукой:

– Дорогая, у меня гости. Я позже к тебе зайду. – И кивнул Коше.

Верный пес вывел меня из кабинета, уловив в жесте шефа команду «фас». Так и потащил за локоть по коридору к лестнице – быстрее и подальше, если я все-таки начну орать. Орать теперь хотелось еще сильнее, но именно Коше мне сказать было нечего, потому я выдавила:

– Я в порядке. Сама дойду.

– Не похоже, – отозвалось это подобие человека. – Доведу до комнаты.

Мне было стыдно рыдать перед ним, стыдно афишировать эмоции, но через несколько шагов меня буквально прорвало:

– Когда это закончится? Хоть ты мне ответь! Выбиваете долги, угрожая семьям? Сколько людей ты убил по его приказу? Сколько?! Или ты не считал?

Парень резко перехватил меня и зажал ладонью рот. Потащил дальше так, не сбавляя шага. Вероятно, свидетелями моей истерики и повара не должны быть. Я извивалась, сопротивлялась, но не могла ослабить железную хватку. Коша зашвырнул меня в спальню, но сам не вышел – остановился перед дверью. Вероятно, хотел убедиться, что я с теми же криками не побегу снова в кабинет. И неожиданно ответил, хотя и не прямо:

– Должников не убивают, Елизавета Андреевна, их запугивают. Мертвый клиент никаких денег не вернет. Это все? Или по этому поводу обязательно нужно прорыдаться?

Я не плакала, слезы сами лились по щекам, но я уже не обращала на них внимания, а злилась все сильнее – сжимала кулаки, но знала, что не смогу отважиться и ударить. Так хотя бы высказаться:

– То есть это нормально?! Я… я ребенка хочу! Я шла, чтобы сказать ему, что хочу родить ему ребенка! А он тем временем угрожает чьим-то детям?!

– Мне-то какое дело? – брюнет равнодушно пожал плечами.

– А теперь… теперь я хочу развестись!

– Разводитесь. Мне-то какое дело?

Он просто выносил меня из сознания своей непроницаемостью. Коша – не человек, а собака, освоившая команды хозяина. Но в тот момент я бы орала даже на собаку, срывая горло:

– Я любила его! Всегда любила! Хоть кто-нибудь спросил меня, как трудно любить такого человека?!

Коша все-таки сделал шаг ко мне, но не трогал, хотя тон его прозвучал иначе – он будто пытался успокоить, просто не очень это умел:

– Вас бы здесь не было, если бы Иван Алексеевич в этом сомневался. Так и любите – таким, какой есть. Идеальные герои бывают только в романах.

– А если я больше не могу? Вот именно таким?

– Ну, – он почти улыбнулся, пристально глядя на меня. – Вы замуж именно за такого человека выходили. Так кто виноват?

Меня оглушило. Я зажала голову руками и осела на пол. Ведь на самом деле никто не виноват, кроме меня самой. Полюбила не того, ждала невозможного. И запричитала, поскольку до сих пор даже мысленно этого не отваживалась произнести:

– Я надеялась… Всегда надеялась, что изменится… Ведь Ваня – самый лучший, самый яркий, самый любимый, ему только мелочи не хватало. И поверила, что мечта сбылась… Но все по-старому… И наркотики, и остальное – все по-старому. Изменился только пошив его костюма… И так будет всегда…

Говорила я это себе, потому сильно вздрогнула, услышав его ответ – Коша все еще зачем-то продолжал стоять в комнате:

– Я плохой психолог, если вы ждете советов. Но, по-моему, все просто. У вас прекрасная семья, вы для Ивана Алексеевича не какая-нибудь выскочка, которой нужны только его деньги. Он вас бережет. Так перестаньте беситься с жиру и продолжайте то, с чем четыре года успешно справлялись. Кстати, знаете,

почему он с первой женой развелся? Истерики доконали. Не повторяйте ее путь, если любите мужа.

Это так и называется – «с жиру беситься». И Коша ведь все верно говорил, однако это привело к ненормальному смеху. Я вскинула на него глаза и со злым хохотом спросила:

– Как тебя там по-человечески? Руслан? Из тебя плохой психолог, Руслан! Но спасибо, что постарался. Очень мило это слушать от хозяйской псины со сказочной кличкой.

– Сказочной? – он ничуть не разозлился, а мне, наверное, именно того и хотелось.

Я устало отмахнулась:

– Иди уже вон. Не буду я кричать при Сергее Сидоровиче. А если мне захочется излить душу, то я лучше с Сашей поговорю – у него хоть имя есть.

– Вызвать вашего телохранителя? – Коша то ли издевался, то ли предлагал на полном серьезе. – Но душу Александру изливать не советую – он не наш человек.

И легко представилось, как улыбчивому телохранителю перерезают горло, – только за то, что он узнал слишком многое. Иван отбирал лучшего, да и профессиональная этика требует держать язык за зубами, но Саша «не их человек», потому его вычеркнут, если настроение такое будет. Им же, бандитам, одним трупом больше, одним меньше. Саша возил меня в учебный центр и тренажерный зал, ждал в коридорах, пока я занимаюсь. Мы почти не разговаривали, но он мне импонировал – именно тем, что тоже носил оружие, но оставался человеком. И работу себе выбрал такую, чтобы людей защищать. Может, тоже кого-то убивал, но не по сиюминутной прихоти, а ради защиты клиента… Или я просто хотела видеть светлое в тех, в ком оно хотя бы потенциально могло быть?

– Не надо вызывать, – я поморщилась. – Но позвони и скажи, что его режим работы меняется. Теперь я запишусь на курсы испанского, итальянского, французского, вьетнамского… какие еще бывают? На все запишусь, чтобы отсюда почаще выходить. И тогда, может, смогу собраться… отдышаться. А

потом разведусь. Выйду замуж за какого-нибудь Сашу и постараюсь разлюбить Ваню.

Коша прошел к двери и распахнул ее, заявляя напоследок:

– Совет вам да любовь. Только Ивану Алексеевичу про свои планы на Сашу не говорите. А то пословица врет – до свадьбы далеко не все заживет.

Наверное, так Коша пошутил. Но я уже не разбирала, где здесь юмор.

С мужем все-таки надо было поговорить. Я созрела только на следующий день и улучила минутку, когда он находился в кабинете один. Вошла молча и села напротив. Дождалась взгляда, прежде чем решилась начать:

– Ваня, мне просто нужна надежда, что все это когда-нибудь закончится.

Он, видимо, был занят с какими-то документами, оттого и хмурился. И говорил задумчиво, не погружаясь в интерес к разговору:

– Красивая моя девочка, перестань придумывать проблемы на ровном месте. И тогда все будет хорошо.

Как я и думала – просто красивая кукла. Любимая, оберегаемая, но просто кукла – такой не положено «придумывать проблемы». Я настаивала на своем, поскольку он вообще моему напряжению причин не видел:

– Будет ли?

Все-таки отложил бумаги и ответил довольно резко:

– Хватит, Лиза! – Ваня наклонился вперед, впечатывая меня взглядом в кресло. – Знаешь, почему ты сейчас здесь? Я женился на красивой модельке и, честно скажу, ничего серьезного от этого брака не ждал! Но четыре года прошло, а я каждый день радуюсь, что именно тебя встретил – лучшую. Я вообще раньше не думал, что бабы бывают настолько мудрыми! – Мне очень понравилось, как он объединил в одну фразу уничижительное «бабы» и комплимент. – Ни разу – ты слышишь меня, ни разу! – я не пожалел, что женился на тебе! Так не заставляй

меня жалеть сейчас!

– То есть мне надо продолжать помалкивать, как все четыре года? – я не боялась его реакции на такой вопрос, ведь ни разу его агрессия не была направлена на меня.

– Зачем помалкивать? – Ваня и не разозлился, а подхватил очередную папку на столе и открыл, вчитываясь. – Говори, но стервой не становись. А от хорошей жизни люди на глазах стервенеют. Займись чем-нибудь, давно пора, а теперь и возможности открываются. Так радуйся, Лиза, радуйся! А не стервеней.

Я его точку зрения хорошо расслышала. С сегодняшнего дня снова начну принимать противозачаточные таблетки. И говорить больше смысла не видела. Может, я на самом деле «от хорошей жизни» начала придумывать трудности? Ведь человеку нужны трудности – вот жаждущий мозг их и изобретает.

Но уйти не успела, в дверях Ваня меня окликнул:

– Лиза, а давай в отпуск сгоняем? В Альпы!

– С удовольствием, – я воскликнула искренне, поскольку любила проводить с ним время наедине и в непривычной обстановке, а такое случалось крайне редко из-за его занятости.

Но Иван поморщился и добавил, почти извиняясь:

– В следующем месяце, дорогая. Раскидаюсь, и рванем. А ты пока на курсы свои… Кстати, Коше список передай, он попробует подключиться к внутренним камерам. Не то чтобы я твоему конопатому телохранителю не доверял, но береженого Бог бережет.

Сашу он всерьез не воспринимал, он его купил для меня, как породистого щеночка или брендовую сумочку, лишь бы я улыбалась, но на этом все функции телохранителя и заканчиваются.

– Подключиться к камерам в учебном центре? – я не могла поверить. – У твоей паранойи есть основания, Ваня?

– У паранойи всегда есть основания.

А мне стало смешно:

– Коша у тебя еще и к камерам подключается? Я думала, он только челюсти ломать умеет!

Иван посмотрел на меня с настоящим удивлением, вновь позабыв о бумажке в руках.

– В смысле? Коша институт по программированию заканчивал – я столько бабла в него вбухал, чтобы на доверенного человека самые важные задачи перекладывать, а не искать всякий раз специалистов.

– Коша? Институт?! – я смеялась все громче. – Не знала, что есть институты по ломанию челюстей.

На самом деле моя веселость скрывала снова накатывающую истерику. Я осталась без образования, а в какого-то шестерку-бандюгана деньги инвестировали, как в ценные бумаги. Мое изумление вызвало у Вани лишь недоумение:

– Чему ты удивляешься, красавица моя? Я кому все эту индустрию потом передам – своим безмозглым спиногрызам? У них кишки слишком тонкие, чтобы хоть месяц в моей шкуре просидеть и не обосраться. А мир меняется, сейчас грубой силой решается намного меньше проблем, чем мозгами. Понятно, что смену себе готовить надо заранее… с такой-то жизнью, – он скривился, бездумно кивнув на какую-то папку.

Настроение окончательно рухнуло. Не от новости, что Ваня Кошу обхаживает побольше своих сыновей – в этом как раз ничего удивительного. А от старого вывода, который каждый раз звучал, как новый:

– Я просто надеялась, что этой индустрии когда-нибудь не будет… – одумалась и произнесла отчетливее: – Поняла тебя, Ваня, не буду больше отвлекать.

Со мной что-то не так, это пора признать. Или я, как было сказано, действительно от хорошей жизни беситься начала, или все четыре года пребывала в каком-то тумане – ведь жила себе спокойно, в обстановку дома гармонично вписывалась. Когда же я была неправильной – тогда или сейчас? Ответ на этот вопрос был важен и мучительно сложен, он раздавливал мои мысли и заставлял задыхаться в привычных стенах.

– Останови здесь, пожалуйста, – попросила я телохранителя, когда мы возвращались из учебного центра.

Саша глянул на кованые ворота нашего особняка и свернул к обочине. Привычно осмотрелся – нет ли поблизости подозрительных машин или людей. Лишь затем глянул на меня.

– Все в порядке, Елизавета Андреевна?

– В порядке, – ответила я, расслабленно глядя в лобовое стекло. – Пять минут посидим, потом вернусь домой.

Он промолчал и тоже откинулся на спинку, хотя на каждую проезжающую машину смотрел пристально.

– Сколько тебе лет, Саша? – зачем-то спросила я. Мне просто хотелось поболтать с кем-нибудь, у кого вся жизнь впереди, и эта жизнь не будет связана с чем-то черным и отвратительным.

– Тридцать, Елизавета Андреевна.

Я с удивлением посмотрела на его профиль – он выглядел моложе, почти моим ровесником.

– А ты можешь называть меня просто Лизой? – продолжила я.

– Не думаю, что это профессионально. Но могу называть так, как вам будет комфортнее.

«Вам». Все четыре года меня называли на вы и по имени-отчеству, даже люди, которые были намного старше. Потому что я жена Ивана Морозова – со мной нельзя фамильярничать без угрозы для здоровья. А на курсах о моем положении не знают, там ученики и «Лизкой» могли окликнуть – и как же тепло становилось от подобных окриков. Так пусть и Саша сделает над собой усилие – изобразит, что я не на вершине мира, до которой надо обязательно орать снизу и кланяться в раболепии.

– Да, Саша, мне так будет комфортнее. – Он кивнул. – Почему ты выбрал такую работу, если не секрет? Неужели тебе нравится приезжать за мной, ждать в коридорах во время занятий и возить по бутикам?

Он улыбчивый – часто улыбался просто своим мыслям, я это давно заметила. Несимпатичный, не в моем вкусе, но улыбкой привлекающий внимание. Пожал плечами и все-таки ответил:

– Наверное, у каждого свой путь, Лиза. Я с детства спортом занимался, был чемпионом в молодежной лиге карате, после армии подался в органы. Но быстро понял, что это не мое – быть встроенным именно в ту систему. И немного изменил приоритеты – можно быть полезным и нужным и не идти на сделки с совестью.

Мне очень импонировали его приоритеты, вот почти до слез нравились – или я просто в последнее время постоянно близка к срыву? Следующий вопрос был неуместен, но мне требовалось его задать, хотя бы в самой нейтральной формулировке:

– Ты знаешь, чем занимается мой муж?

Его улыбка слегка померкла, но после паузы Саша ответил:

– Догадываюсь. Меня слишком тщательно проверяли перед этой работой и задавали такие вопросы, что сложно не догадаться.

Невозможно не догадаться, если уж говорить прямо. По нашим кованым воротам, по ребятам, без которых Иван дом не покидает, по его жаргону, даже теперь проскальзывающему.

– И твои приоритеты не страдают? – совсем тихо поинтересовалась я.

– Нет, – Саша ответил сразу и решительно. – Моя работа заключается в охране одного человека – вас, я не должен делать ничего сверх того. А вы, при всем уважении, просто красивая и безобидная женщина, которой не помешает дополнительная защита.

Я сморгнула накатившую муть. Саша так и не перешел на ты. Красивой он меня назвал без подтекста, просто как факт констатировал. Ну почему я когда-то не встретила такого? Ведь он тоже сильный – не такой, как мой любимый муж, но определенно не жалкий слабак. И жила бы сейчас вот с такой надежной защитой, переживала бы, когда он на работе, но те мои потенциальные переживания не идут ни в какое сравнение с тем, что я чувствую сейчас. А по вечерам он улыбался бы мне вот именно такой улыбкой, под которой не скрываются воспоминания, как он замучил чьих-то детей до смерти, чтобы вынудить кого-то вернуть долг.

Я тяжело вздохнула.

– Поехали, – попросила я. – У меня дома еще куча дел. Например, выбрать из восьмидесяти пеньюаров самый шелковый.

Он не усмехнулся или вообще не увидел в моих словах горького сарказма, а тут же выполнил приказ. Ворота распахнулись перед машиной, и мы сразу сдали вправо. Там Саша передаст автомобиль внутренней охране, где салон тщательно осмотрят – на всякий случай, а потом уйдет. Вернется завтра к двум, чтобы снова увезти меня на курсы и так же улыбаться своим мыслям. Я дошла до точки, когда даже таких событий ждешь, как праздника.

Но наперерез нам выдвинулся Коша, махнул рукой, чтобы затормозили. Телохранитель вышел из машины, но сразу направился открыть мне дверь – меня он «сдает» живой и невредимой, и на территории моего супруга его функции заканчиваются. Но Коша остановил его резким:

– Ключи дай. – Притом махнул мне, чтобы оставалась на месте. – Все, на сегодня свободен, спасибо за работу.

– Куда? – телохранитель уловил, что Коша собирается занять место водителя, и не напрягся, но заговорил жестче: – По условиям договора клиентка выезжает с территории только в моем сопровождении!

– Ключи дай, – флегматично повторил Коша. – И выдохни. Я с твоей клиенткой покатаюсь, ничего с ней не случится.

Саша уверенно мотнул головой.

– Я могу услышать то же самое от Ивана Алексеевича?

– Можешь. Но в другой раз. – Коша шагнул к нему ближе и быстро глянул на окна дома. – Быстрее.

Телохранитель не понимал, что делать, – на него явно давили, и сдаваться он не собирался. Но Кошу он, конечно же, знал и не мог представить, уполномочен ли врезать ему. Или Коша врежет ему первым? Или Коша просто вытащит ствол и пристрелит на месте улыбчивого парня только за то, что тот выполняет свою работу качественно? Я выкрикнула:

– Саша, отдай ему ключи! Если он говорит, что это приказ мужа, – значит, так и есть.

Мужчина был вынужден подчиниться, а потом смотреть на сдававшую назад машину, когда она рванула опять на выезд.

Мы действительно просто катались – вернулись в город и зачем-то курсировали по улицам, останавливаясь на всех светофорах. Я осмелилась подать голос только минут через двадцать:

– Что происходит, Коша?

– Ничего, Елизавета Андреевна, – его ответ был до тошноты предсказуемым.

Еще через десять минут я повторила, но уже с нервами:

– Что происходит? – и, сорвавшись, почти закричала: – Отвечай немедленно! Я тебе не нанятый сотрудник, которому можно ничего не объяснять!

Его мой тон даже из расслабленности не вывел:

– Кстати, Елизавета Андреевна, у вас же квартира имеется? Может, пора наведаться – глянуть, все ли в порядке?

У меня от страха дыхание перехватило, потому и голос сдал:

– У Вани… проблемы? Или у меня?

– А разве вы не одно целое? – Он усмехнулся. Но, подумав, все-таки снизошел: – Никаких особенных проблем. Обыск. Иван Алексеевич попросил подержать вас подальше, чтобы лишний раз не тревожить. Вот и все, теперь можете закатывать истерику.

– Обыск? – я хотела орать, как он будто и призывал, но энергии хватило только на тихий писк. – И что теперь будет?

– Ничего. Вы ведь не считаете своего мужа дебилом? Потреплют друг другу нервы и разойдутся.

– Не считаю… И как долго нам… кататься?

– Пока не позвонят. Радовались бы, Елизавета Андреевна, что о вас так заботятся.

Радоваться я не могла. С нами такого не происходило за четыре года, Иван всегда оставался с чистыми руками. Но обыск означал одно – какое-то дело все-таки возбуждено, и вся его «политика» скоро всплывет наружу. Подобного я подсознательно всегда ожидала – вышла замуж за преступника, но в любой момент могла оказаться женой зэка.

Глава 4

Руки дрожали, а мысли звонко стукались друг о друга, не позволяя соображать. Уже в подъезде я прошептала едва слышно:

– Коша, его посадят?

– Боитесь не дождаться? – Он не обернулся.

– Этого я боюсь меньше всего прочего… – ответила, а потом вспомнила: – Коша, стой! У меня ведь нет с собой ключей от квартиры!

Наверное, это означало, что мозг потихоньку запускается – код подъезда я набрала по инерции, но про ключ вспомнила, лишь когда увидела дверь. Но Коша не сбавил шага и прикоснулся пальцами к замочной скважине:

– Цилиндрический без брони?

Я забыла, что замки для таких людей – не препятствие. И это вызвало новую волну раздражения:

– Понятия не имею! Самый дешевый стоит, здесь все равно воровать нечего!

Он возился с отмычками минут десять, и это наверняка означало, что института по такому профилю Коша не заканчивал. А потом распахнул дверь, приглашая меня в собственную же квартиру. Вошел следом, вначале зачем-то осмотрел окна – возможно, просто привычка, но такое поведение только в исполнении Саши смотрелось гармонично, сорвал целлофан с дивана и бросил на пол. Я же подошла к фортепиано. Крышка поднялась с тихим скрипом.

Задолбила одной рукой по клавишам, сначала тихо, но быстро набирая громкость. В траве сидел кузнечик. В траве сидел кузнечик.

– Почему вы не продали квартиру, Елизавета Андреевна?

В траве сидел кузнечик, зелененьким он был. Клавиша западает. Или она давно западала, просто я забыла? Фальшивит, надо настраивать, но режущие слух звуки только помогали, – лишь бы не сбиваться и долбить чеканно в ритм. Я не прерывала мелодию, представляя, что вижу свою запущенную квартирку Кошиными глазами. Неплохой район, здесь недвижимость всегда будет стоить дорого, но подобное жилье не могло произвести на него впечатление после дома, где он тоже находился в последние годы.

Продавать ее я не собиралась никогда, вообще почти о ней не вспоминала. Могла сдать в аренду – попробовали бы жильцы меня обмануть с таким-то мужем. Но в тех копейках нужды давно не было. А эта квартира, эти четыре стены и обшарпанная мебель составляли последнее в жизни «мое». Все на свете я оставила в прошлом, когда надела свадебное платье, ничего от себя и своего не оставила. Так пусть хоть угол этот пылится, нетронутый и никому не нужный, но мой. Ответила я совершенно другое:

– В случае конфискации имущества Ваня мне еще спасибо скажет, что я ее не продала.

Коша рухнул на диван – я услышала, не оглядываясь. И, кажется, он совсем не раздражался от фальшивой чеканки «Кузнечика», просто голос немного повысил, чтобы я его слышала:

– Не будет никакой конфискации, успокойтесь. И срока не будет. Иван Алексеевич еще и компенсацию выбьет за моральный ущерб – не свой, конечно, его вообще ничего не трогает. За ваши грустные глазки выбьет.

Иван выбьет, если поставит такую цель. Но меня давило:

– Мне ли не знать, что если следователи начнут копать, то обязательно накопают? Иван не ангел, мы оба в курсе, Коша.

– В курсе, – признал он. – И очень по-разному в курсе. Похоже, только вам и не доложили, в какой стране вы живете – здесь президента посадить проще, чем такого человека, как Иван Алексеевич.

Он верил в то, что говорил. А значит, верила и я. Но отнюдь не утешало. Наверное, это несправедливо, когда настоящего преступника осудить не могут.

Но какое счастье, что именно этого преступника не могут осудить.

В траве сидел кузнечик, в траве сидел кузнечик. Оказывается, это очень мудрая песня. За что, интересно, кузнечик-то сидел? Он был виновен, или у него не оказалось достаточных связей? Хотя подсказка про траву давала некоторые ответы.

– И все-таки дело дошло до обыска, – заметила я.

– Пропустили. Недоработка. Исправим, виновные будут наказаны.

Легко представилось, как именно будут наказаны виновные. В траве сидел, сидел, сидел… Я бросила взгляд на светлое окно – вечер только начинается. А соседи давно не слышали, как я репетирую. Значит, надо играть чуть громче.

– Мама в больнице умерла, – сказала зачем-то самой себе. – Думаю, если бы я нашла ее тело здесь, то не смогла бы тут жить.

– Смогли бы, – он ответил и на это, хотя я ни о чем не спрашивала. – Люди вообще способны выживать в таких условиях, которых себе не представляли. Вы других мелодий не знаете, Елизавета Андреевна?

Я на открытую просьбу «сменить пластинку» не отреагировала. Это фортепиано мама купила лет пятнадцать назад – она всегда думала, что я стану музыкантом, и будто не замечала отсутствие яркого таланта, которое только в детстве перекрывается усердием. А я была очень усердной ученицей.

– Люди выживают в любых условиях, – повторила за ним. – Но некоторым это сложно, только бездушным живется легко. Видишь ее портрет на стене? И верно, не видишь, потому что его там нет. Я сняла фото после похорон и убрала на антресоли. Думаю, это означает, что я не хотела, чтобы она на меня смотрела. Тебе знакомо такое ощущение, Коша, когда скучаешь по человеку так сильно, что проще о нем вообще не думать, иначе сорвешься и начнешь переосмысливать: что и как ты делаешь?

– Не знакомо. Я вообще слышу какой-то набор бессвязных фраз. Но сочувствую вашей утрате, – сказал без грамма сочувствия.

Я усмехнулась. Зелененьким он был. Если бы кузнечик оказался синим, то это означало бы состояние алкогольного опьянения. Но зеленый показывает какую-то другую аллегорию, которую я смогу постичь после тысячного повторения мелодии.

– Почему со мной отправили тебя, Коша? Я предпочла бы сидеть здесь с человеком – любым. Например, чем вас мой телохранитель не устроил?

– Только тем, что у него нормированный рабочий день. А пока непонятно, сколько здесь торчать, такие дела за пять минут не делаются. Обыск, допрос. Возможно, Ивана Алексеевича дернут в участок для дачи показаний. Плюс надо после дом в порядок привести. Неподготовленным людям иногда сложно смотреть, как шинкуют их личные вещи. А вы в последнее время и так постоянно в слезах.

– Не постоянно, – поправила я равнодушно. – Я за последние четыре года плакала ровно два раза.

– Целых два раза, – была его очередь поправлять. – Ну вот, мы избежали третьего. Хотя здесь не стесняйтесь – о таком я докладывать не обязан.

– Обойдусь.

– Чудно.

– Тебя переименовали в Кощея за твой приятный характер, Кош?

– А здесь есть книги, Елизавета Андреевна? Кажется, нам пора углубиться в чтение, а не друг в друга.

Пусть ищет книги, мне плевать. У меня-то есть занятие. В траве сидел кузнечик, зелененьким он был. Представьте себе! Я уже почти представляла. По батарее застучали. Сосед снизу. Отвык, наверное, за столько-то лет. Ну так и он пусть представит себе – представит, что бывает такая жизнь, как у этого кузнечика: он вроде бы ничего плохого не сделал и все решения принимал обоснованно, его нельзя обвинить ни в расчетливости, ни в цинизме, ни в злом умысле. Зеленый – значит, молодой, глупый. Смысл аллегории дошел быстрее, чем я ожидала. Так

где дефект – в каком-то решении или в самом кузнечике? И как найти этот дефект, выжечь его из себя, чтобы дальше существовать?

Коша подошел бесшумно, я лишь руку его увидела и успела убрать свою за секунду до того, как он захлопнул крышку фортепиано.

– Елизавета Андреевна, – говорил притом бесконечно умиротворенно, – я не очень умею утешать женщин, но давайте вы свой психоз будете выплескивать более тихим способом. Зачем нам лишнее внимание ваших бывших соседей?

Я посмотрела на него снизу, Коша взгляда не отвел.

– А ведь у тебя и женщины нет, – констатировала я задумчиво. – Откуда ей взяться, если твоя работа – круглосуточно быть чьими-то руками? Ты служишь ему всегда. Но неужели в собачьей психологии нет потребности в чем-то своем?

Коша смотрел на меня долго – вроде бы без злости и задумчивости. Просто смотрел, но я ждала хоть какого-то ответа. Однако последовала улыбка – не улыбка даже, а медленное вытягивание одного уголка губ в сторону.

– Не пора ли нам пожрать, Елизавета Андреевна? Вы как насчет пиццы?

Выдохнула протяжно.

– Пожрать так пожрать. Заказывай.

Время тянулось медленно, а нам так и не звонили. С Кошей разговаривать очень сложно. Я не считала его идиотом – Ваня никогда бы так не возвысил идиота. Коша, должно быть, очень умен и хитер. Это я здесь круглая дура, хотя всерьез себя глупой никогда не считала. В чем же мой дефект? А может, в этом и есть смысл – служить кому-то? Как Коша. Как Саша. Нашли себе ориентир и подходящие поводки, пробелов в мотивах не осталось. Да и я недавно чувствовала себя намного спокойнее, когда просто ориентировалась на Ваню и не думала об остальном.

Поели, врубили телевизор. Канал никто не переключал, нам обоим было все равно, а ведущий создавал ощущение, что в мире есть кто-то, способный

говорить.

В двенадцатом часу я безудержно зевала и уже потеряла надежду сегодня вернуться домой.

– Ложитесь спать, – хрипловато после долгого молчания предложил Коша.

Подумала и согласилась – а чего еще ждать? Все новости откладываются до утра в лучшем случае.

– Тогда надо разложить диван, – я встала. – Внутри есть одеяла и подушки. Но постельного белья нет. Переживешь после нашего-то комфорта?

– Я такой же вопрос мог адресовать вам. Отойдите, Елизавета Андреевна.

Он разложил диван и осмотрелся. Я заняла одну половину, накрывшись одеялом, от которого пахло то ли сыростью, то ли пылью. В квартире была еще моя кровать, заваленная старыми вещами. Я предложила без задней мысли:

– Укладывайся где-нибудь.

Он ответил, осматривая пыльный пол:

– Кажется, я научился спать даже стоя.

– Спи стоя, – разрешила я. – Только не на полу. Если ты простудишься, то не уверена, что Иван не разозлится на меня. Я вообще не уверена, что я ему ближе тебя.

– Я ближе, – выбрал Коша, вряд ли с иронией. Сдвинул кресла, вогнал между ними твердые диванные подушки, получилось удобнее кровати. – Но лучше этот вопрос перед ним никогда не ставить.

Он завалился на спину, подложил руку под голову. Я тоже перевернулась и уставилась в потолок. Кому-то надо было погасить свет. Лично я не видела никакой предосудительности в том, чтобы спать в одном помещении не с собственным мужем. С другим мужчиной – это да, чувствовала бы себя странно.

Но с говорящей собакой – запросто. Самого его тоже ничего не смущало – Коша никогда не сделает ничего двусмысленного по отношению к Ивану. Он для меня собака, а я для него кто? Ценная кукла, которую надо завтра доставить владельцу?

Сонливость исчезла. Я все-таки встала и выключила лампочку, заняла свое место и попыталась хотя бы лежать с закрытыми глазами, чтобы отдохнуть. Но вдруг Коша заговорил, все так же глядя вверх и не меняя позы:

– Откуда это вообще взялось – Кощей?

Я удивилась:

– Ты у меня спрашиваешь? Мне-то откуда знать?

– Меня так никто никогда не называл, кроме вас.

Задумалась. Наверное, и правда, не называли. Просто как-то в голову пришло еще в начале знакомства, так в ней и осело.

– Ну… я решила, что Коша – это сокращение.

Он долго помолчал, как будто переводил мои слова в уме:

– А, ну примерно так и есть. Я в первый раз увидел Ивана Алексеевича в изоляторе – он своих ребят вытаскивал. Заметил меня и спросил: «А это что еще за кошак задрипанный?». И зачем-то отмазал вместе со своими. Пацаны за ним подхватили, мне было насрать, и приклеилось намертво.

Я не смотрела на него, даже глаза не открывала – казалось, что любой взгляд собьет его откровенность, и больше ничего не прозвучит.

– То есть ты служишь ему за то, что он когда-то вытащил тебя из СИЗО?

Коша промолчал. Я осторожно спросила снова:

– А за что ты туда попал?

– За тупость, – неожиданно он все-таки ответил. – Люди вообще попадают в неприятности только из-за тупости.

– Исчерпывающе!

– Спокойной ночи, Елизавета Андреевна.

– Спокойной. Надо же, я все время считала тебя псиной, а ты предполагался кошаком. Разница невелика, с подвидом ошиблась.

– Вы думаете, я про тупость просто так намекнул? Или вам нравятся неприятности?

– Ты мне угрожаешь? – я тихо рассмеялась. – Если не заткнусь, то ты мне шею свернешь? То есть тебе даже за такое ничего не грозит?

– Покричит, конечно, Иван Алексеевич, расстроится, – Коша словно всерьез над моими словами задумался. – Но будет знать – раз я так поступил, то у меня не было другого выбора.

Я со вздохом перевернулась на другой бок и язык не прикусила – понимала, что он даже не раздражен, просто пытается закончить этот день и жаждет поскорее избавиться от моей компании.

– Как интересно узнать такие подробности о моем браке. Спасибо, Коша, за искренность. То есть если мне свернет шею кто-нибудь, то его в порошок сотрут. Но если ты, то все в порядке, заслужила. Так и женился бы Ваня на тебе, а не мою любовь на прочность проверял.

– На мне никак не получится.

Я снова не поняла, юмор это или нет. От Коши любая шутка звучит с подтекстом.

– Из-за отсутствия закона, разрешающего однополые браки? – хмыкнула я. – Вас еще какие-то законы останавливают? Сколько откровений!

– Нет, из-за того, что я не глупенькая маленькая девочка, о которой можно заботиться и которая во всем от него зависит. Ивану Алексеевичу всегда нужна была такая женщина, которая просто обнимет и будет любить всяким, не задавая лишних вопросов. Тихая гавань, в которую он может возвращаться, навоевавшись со всем миром.

На фоне переживаний мое веселье было неестественным:

– Какая прелесть! Радуйся, Лизонька, ты оказалась достаточно жалкой, чтобы муж тебя искренне любил. Но смирись – тебя при необходимости заменить проще, чем верную собаку. Таких, как ты, Лизонька, жалких и никому не нужных, в одной столице сотню можно найти, а Коша один. Кошу специально выращивали так, чтобы он стал незаменимым. Как сына, которого у Ивана никогда не было, хотя у него их два.

– Вы еще ревновать начните, в самом деле. Хотя суть изложили почти верно.

Показалось, что он бесшумно смеется, но я не стала поворачиваться, чтобы удостовериться. Больше ничего не говорила – хватило. Странно немного, что я именно в разговоре с ним окончательно сформулировала все свои неясные мысли.

Ваня позвонил в девять утра, когда мы снова собирались заказать пиццу. Звонок поступил на мой номер и сразу меня оживил:

– Ваня, ты где? Все в порядке?

– Конечно, красивая моя девочка. Возвращайтесь уже. И прости за хлопоты.

Когда я вошла в дом, там ничего не намекало на недавний обыск – идеальный порядок. Ваня кивнул Коше, тот сразу прошел в кабинет, а меня муж крепко обнял и отпустил наверх, чтобы приняла душ и отдохнула. Он даже не спросил, где мы были всю ночь. Степень его доверия к верному человеку переоценить невозможно. А вечером обрадовал меня покупкой новой кобылицы в нашу конюшню – гнедой красавицы, обозначенной моим подарком.

Я благодарила и радовалась. Не сказала вслух, что поняла значение такого ценного подарка без повода: это и извинения, и признание, что в ближайшее время ни в какой отпуск мы не поедем, и демонстрация, что дела его идут прекрасно – все мои тревоги не имеют оснований. Последнее было хотя бы настоящим поводом для облегчения.

И верно. Не прошло и пары недель, как дело закрыли – я даже не в курсе, какое обвинение выдвигали Ивану, а в нашем доме все чаще появлялись люди из новостных каналов. Жизнь прекрасна! Мой муж способен решить любую проблему деньгами или угрозами. Кто-то за прокол и обыск поплатится жизнью – что ж поделать, он сам заслужил, ведь никто не вправе делать глаза жены Морозова грустными на целые сутки.

Дышать. Выбежать куда-нибудь подальше и продышаться как следует. Или дать себе слабину и прореветься, пророраться в полную глотку. Записаться еще на десять курсов или забеременеть. Увидеть улыбку Саши, за которой не скрывается цинизма, или уволить Сашу, потому что он даже рядом со всем этим не должен находиться. Хоть что-нибудь сделать, чтобы вдохи и выдохи не сопровождались счетчиком в голове: раз-два, раз-два, раз-два-два, в такт «Кузнечика».

Я долго думала, прежде чем решила не делать ничего. И причина тому одна – мой дефект, который заключался в любви к мужу. Ваня поглотил меня, поработил, затмил собою всех – я на самом деле очень похожа на Кошу в том, что с самого начала не умела сопротивляться нашему общему хозяину.

Глава 5

– Зеля, а научи меня драться.

– Зачем вам, Елизавета Андреевна? – парень удивился.

В последние пятнадцать минут я наблюдала боксерский спарринг, ребята часто устраивали их на небольшом ринге в тренажерном зале. Вот только что Зеля уложил Славку, а такого гиганта еще поискать.

– Просто так, – я пожала плечами. – Вот захочу я тебя ударить и не смогу.

– Сможете, – разрешил он и неловко улыбнулся.

Имеет в виду то, что мне позволит. Вот залеплю сейчас по роже, он даже глазом не моргнет.

– А Кошу? – я перевела взгляд на вошедшего.

– Кошу – не знаю, – задумался громила. – Это у него спросить надо. Кош, ты как к пощечинам? Елизавете Андреевне очень требуется.

Коша сегодня даже не переодевался, а в зал явился уже в конце тренировки. После вопроса затормозил возле нас и приподнял бровь. И я решила пояснить, пока он меня и к психиатру заодно не записал:

– Попросила Зелю потренировать меня драться. Мало ли что. Меня урод какой-нибудь схватит – я даже вырваться не смогу.

– А, – Коша отреагировал коротко. Потом окинул меня взглядом, как если бы в первый раз увидел. – Без шансов, Елизавета Андреевна, тренированному бойцу вы не соперница с вашим весом.

– Это приговор? – я сузила глаза, поскольку и самого Кошу здоровяком назвать было нельзя. Но вряд ли кто-то из ребят захотел бы его разозлить – значит, дело в другом. – Вообще безнадежна?

За последние несколько недель мне удалось заново смириться со своим положением. Но помог именно Ваня – он, увидев мое состояние, стал уделять мне больше времени и чаще заходить в нашу общую спальню. В его ласке растворяться было проще, чем в его проблемах. Но и вывод я сделала – надо заниматься вообще всем, но не так, как занималась раньше, а в полную силу. И не помешает почувствовать в себе силу физическую, чтобы меня хотя бы в глаза

впредь постеснялись называть жалкой тряпкой. И все же тревоги дали свой результат: если Ваню когда-нибудь прижмут, то я останусь никчемной мышью, которую растоптать сможет любой желающий.

Но Коша покачал головой:

– Что за абсурд, Елизавета Андреевна? У вас шанс будет, если только с пистолетом в виде перевеса.

– Так дай мне пистолет и научи! – я пока не сдавалась.

– Уже дали – пользуйтесь, – он кивком указал на Сашу, который сидел возле раздевалки и ждал, когда мы закончим.

Поначалу был разговор о том, чтобы в тренажерку телохранителя не таскать, но Ваня легко поддался моим уговорам – ему-то какая разница, если моя безопасность не страдает? А мне нужен был какой-то ориентир, на который я смотрю и больше не теряюсь в приоритетах, – улыбчивый Саша ориентиром и стал. Однако позже сам муж и пояснил с досадой: «Времена изменились так сильно, дорогая, что только эта твоя модная сумочка может легально носить огнестрельное оружие. Только для того я его и нанял. Не будем раздражать власти лишний раз. Ты ведь этого хотела?» За это Иван получил от меня долгий и нежнейший поцелуй, ведь все-таки моя надежда окончательно не умерла. Вряд ли все его парни разоружились, но уже точно давно не щеголяли на улицах автоматами.

– Зеля, Морж! – окликнул от входа Хребет. – Айда на второй этаж – там девочки таким фитнесом занимаются, у меня чуть шары не лопнули!

Несколько ребят со смехом утащились наверх, кто-то пошел в душ, а я вернулась к тренажеру и сделала еще два подхода на «бабочке». Коша что-то обсуждал со Славкой, пока я переодевалась, только Саша постоянно выглядел собранным.

Мы выходили не всей компанией – не стали звать фитнес-казанов, пустившихся во все тяжкие. Коша вынырнул первым, но под козырьком остановился, задрав голову и вдохнув весенний воздух. Я уж было подумала, что впервые видела в нем проявление каких-то человеческих эмоций, но он выдал:

– Тихо сегодня как-то. Что изменилось?

– Да ничего, Кош, – гоготнул Славка, опережая нас и щелкая брелоком, чтобы отключить сигнализацию на своей машине. – Автобусы со стоянки отогнали – может, проверка у них какая.

– Может, – отозвался Коша, но пошагал почему-то рядом со мной – с другой стороны от телохранителя. – Пусто как-то.

– Это кошачья интуиция разыгралась? – расхохотался Пижон.

Парковка для фур располагалась справа, а за ней какое-то здание, похожее на склад. Саша молчал, внимательно осматривая едва освещенную сторону. А потом резко вытянул руку передо мной, не позволяя выйти вперед него.

– Что такое? – Коша заметил его жест.

– Не знаю. Возможно, показалось, – напряженно ответил Саша.

Но Коша от его тона тоже отступил назад, и сразу же в миллиметре от него свистнуло и прошило асфальт. Телохранитель молниеносно развернулся ко мне и сильно вздрогнул, как будто его с размаха ударили в спину. Я не успела ничего понять, кроме того, что произошла какая-то беда. Коша выдернул меня из-под заваливающегося тела за волосы и шкирку, рванул к машине.

– Твою мать! – заорал впереди Славка, тоже прижимаясь к земле. – На крыше!

Пижон распахнул заднюю дверь, меня впихнули туда первой, а кто-то открыл водительскую. Я пыталась вывернуться и посмотреть, что там с Сашей. Всем удалось перебежать за наши машины, но он остался там – в эпицентре обстрела. Я от ужаса замычала, но мой крик перекрыл Коша:

– Куда, блядь? Пацана притащите!

И сам поднялся первым, вытащив ствол с глушителем. Он стрелял, скорее всего, приблизительно, лишь примерно угадав точку расположения снайпера. Но это дало возможность остальным ожить и рвануть исполнять приказ. Сашу через

пять секунд закинули прямо на меня, после чего туда же втиснулся и Славка. Пижон рванул с места, но вырулил так резко, что снес зеркало на соседней машине. Прямо на ходу через него на пассажирское сиденье спереди перелезал Коша. Саша застонал и открыл глаза – и после этого я начала дышать. Ему было очень неудобно, но двигаться я боялась, чтобы не причинить ему лишней боли.

Коша сначала вынул сотовый и набрал кого-то из парней, оставшихся в фитнесе, предупредил. А потом повернулся и хлопнул Сашу по торчавшей между сиденьями коленке.

– Молодец, пацан. Ты просто молодец. В жилете?

– Да, – тот ответил болезненно. – Но плечо зацепило.

– Терпи, герой. У Ивана Алексеевича лучшие доктора.

Огромному Славке даже дышать было тесно, но он выругался:

– Суки! К хуям разнесем этих сук! Это кто? Алаев страх потерял?

– Разберемся, успокойся, – попытался утихомирить его Коша, водителю и без крика было сложно – он несся, обгоняя все машины и не замечая светофоров, хотя за нами погони не было. Наверное, нервы сдали.

Как и у меня. Далеко не сразу вся сцена дошла, она всплывала обрывочными кадрами. Я нащупала Сашину руку и сжала, благодаря. Пальцы его мне показались холодными. Но у Ивана действительно лучшие врачи – они приведут его в порядок, а муж еще и финансово компенсирует… Я вздрогнула от нового кадра в голове. А как можно компенсировать, если человек чуть своей жизнью не пожертвовал, спасая меня? Сколько денег в килограммах стоит такой рефлекс?

Но новый кадр перекрыл предыдущий. Я свой голос не узнавала – он скрипел со звуком рвущейся бумаги:

– А меня-то за что? Отомстить Ване?

Пижон наконец-то взял себя в руки и начал сбавлять скорость. А как только язык обуздал, тоже начал материться:

– Пидорасы, блядь! Баб мочить – это вообще гниль!

– Нет, Лиза, – когда раздался тихий голос Саши, все замолчали. – Снять пытались Кошу, он просто среагировал на мое движение.

Коша уже расслабился, если вообще напрягался. Заметил, как будто мы погоду обсуждали:

– Вот и мне так показалось. Никому-то вы не нужны, Елизавета Андреевна, для истерики снова нет повода.

Пижон присвистнул:

– Тогда точно Алаев! Ну ничего, гад огребет. Алексеич с ним устал договариваться, а теперь конец договорам. Кош, осторожнее в ближайшее время, иначе он тебя достанет.

– Заебется доставать. За дорогой следи, а то прикончишь нас раньше алаевских братков.

Меня колотило, как если бы от холодных пальцев Саши по венам передавался холод и заражал все тело. Новые кадры добавлялись, подкидывая эмоций. Телохранитель – герой, Коша все верно обозначил. А вот сам Коша кто? Он тоже действовал профессионально и рефлекторно, но если разобрать по миллисекундам, то выходило, что он уловил опасность сразу же – и прикрылся Сашей и мной. Точнее, позволил телохранителю прикрыть и его заодно, когда тот прикрывал меня. Конечно, потом нас всех вытащил и Сашу там не бросил, но определяющей была именно первая секунда – сначала он спасал себя, а уже потом остальных. И его первый вопрос подтверждал, что о жилете он в ту секунду не знал. Многое, очень многое говорит о человеке именно такая первая реакция.

Иван разогнал всю прислугу и орал почти до утра так, что стены трещали. Я понятия не имела, на кого он кричит, но предвидела какие-то разборки в

ближайшие дни. В нашем доме бандитские войны никогда не закончатся.

Сашу разместили где-то в комнате на первом этаже, оказав необходимую помощь. Утром я вошла к нему, кивнув приветственно хмурому Пижону, дверь закрывать не стала. Сразу разглядела Ивана, а больной сидел на кровати и выглядел намного лучше, чем вечером.

– Ты сегодня совсем не спал? – я спросила у мужа и покачала головой. Но тут же присела на стул рядом с постелью и еще раз внимательно осмотрела телохранителя, обрадовалась, что он даже болезненной бледностью решил меня не пугать. – Ты как?

– Все в порядке, Лиза. – Знакомая улыбчивость никуда не делась – тоже хороший показатель.

– Спасибо тебе, – сказала то, что сразу собиралась сказать. – У тебя есть жена? Мать? Может, кому-то стоит позвонить, чтобы не переживали?

– Родители только, но им и знать о такой мелочи незачем. Не благодарите – это моя работа.

– Работа, да! – усмехнулся Иван. – Из моих тупорезов никто не сообразил. Снесли бы вчера Коше или Лизе бошку – сегодня бы в Москве третья мировая началась. Ты, глазастый, не просто так свой хлеб жрешь.

– Случайно заметил, Иван Алексеевич, – Саша заметно смущался. – Повезло.

Я накрыла его руку своей и наклонилась ближе.

– Скорее выздоравливай, Саш! А как только поправишься – ищи себе другую работу.

Он вскинул брови, но переспросил Иван:

– Лизонька, ты чего? Кто ж таких молодцов увольняет? Таких награждать надо, а не взашей гнать. Да, герой?

Он говорил с ним мягко, как со своими сыновьями не говорил ни разу в моем присутствии. Благодарен и хвалит искренне – я слишком хорошо знала мужа, чтобы сомневаться. И Саша вторил с удивлением:

– Уволен? За что?

Я перевела взгляд с него на супруга – именно Ивану и надо это объяснить:

– За то, что вчера чуть не погиб.

– Да брось, – Ваня рассмеялся. – Царапинка! Для коллекции пойдет! Ты чего, красавица моя? Я, честно скажу, в пацана не верил – положился на мнение Коши. Но скажу так: я своим ребятам как никому доверяю, но не сильно уверен, что любой из них под пулю бы кинулся, чтобы роднулю мою прикрыть. Хороший человек, таких людей сейчас и не отыщешь!

Я медленно кивнула:

– Вот именно об этом я и говорю. Пусть хорошие люди ищут себе хорошую работу, где самые большие неприятности – назойливых фанатов от поп-звезды отгонять.

– А, ты вон о чем… Забеспокоилась? – Иван посмотрел на Сашу и спросил у него: – Что скажешь, мо?лодец? Поступок я тебе в любом случае не забуду и ущерб компенсирую, не обижу. Но если бы мы принимали решения, когда женщинам нас жалко, то ничего бы не нарешали. Верно, боец?

Он явно уговаривал. Судя по лицу пострадавшего, мои слова ему тоже казались странными – он проявил себя и явно не ожидал такого направления. У него притуплено чувство самосохранения, как у всех, кто меня окружает. Но покоробило другое: как Ваня в очередной раз выставил меня маленькой глупой девочкой, которую должны оберегать сильные мужчины, и уж он точно не хочет отпускать от меня того, кто доказал свою пригодность. Я преодолела замешательство и проговорила как можно отчетливее:

– Ваня в людях никогда не ошибается, Саш. А у хороших людей должна быть хорошая судьба. Не переживу, если из-за меня погибнет достойный человек. Я-

то здесь по своей воле оказалась, винить некого.

– Ну, началось…

На реплику Ивана мы внимания не обратили. Саша не отвел взгляда и ответил так же твердо:

– Тогда я останусь, Лиза, с вашего позволения. Еще ни разу в карьере я не видел столько смысла в своих усилиях.

Вздохнула и кивнула. В конце концов, мне действительно было бы очень жаль больше никогда его не увидеть – единственного, кого я всерьез видеть рада. Но, глянув на мужа, одернула кисть. Не понравился мне его прищур. Возможно, супруг заметил, как телохранитель ко мне по имени обратился, мягко и будто с подтекстом, или то, что я со своим чувством вины позабыла о сдержанности и схватила постороннего мужчину за руку. Ничего в наших действиях объективно не должно было вызвать ревности, но я позабыла, что у Ивана все слишком – и такого человека лучше не провоцировать.

Встала, еще раз пожелала здоровья, на что Саша ответил:

– Прошу прощения, Лиза, что пока на курсы возить вас не смогу.

– Да какие сейчас курсы! – Ваня тоже поднялся и направился в мою сторону. – В ближайшее время красавица моя посидит дома. Найдем виноватого – и снова свобода. Ничего, Лизонька?

Вопрос я посчитала риторическим – как будто если я сейчас возмущаться начну, он передумает. Да Иван меня скорее в комнате запрет и цепями перетянет, чем будет рисковать, а мое мнение в этом вопросе ничего не значит.

В коридоре я замедлила шаг и заговорила тише:

– Вань, ты выглядишь уставшим. Тебе нужно поспать. И на кого ты кричал всю ночь?

– На Кошу, – муж приобнял меня, чмокнул в висок и подтолкнул к своему кабинету.

Я от удивления развернулась:

– Почему? Что первым снайпера не увидел?

– И за это, и за то, что вообще допустил всю эту ситуацию. – Иван тяжело прошагал к своему столу, плеснул в стакан водки. – Мы Москву двадцать лет пилили, и что? Перестрелка в жилом районе, как будто девяностые никогда не заканчивались!

С последним я не согласиться не могла, но все-таки заметила:

– А твои люди-то тут при чем?

Иван рухнул в кресло.

– Ничего, ничего, пусть Коша тоже напряжется и подумает, а не завелась ли у нас в команде крыса? Уж больно все в одну точку сложилось: пацаны умотали фитоняш снимать, фуры отогнали. Если бы не наш конопатый герой, без беды бы не обошлось.

– Но Коша-то с нами был, на него с какой стати злиться? – я будто даже надеялась, что Ваня озвучит какой-то довод – первый за всю историю, что его главный помощник не идеален. Но он лишь отмахнулся:

– Да ты у меня просто какой-то сердобольный ангел, ей-богу. Слушай, а может, когда все разрулим, фондик под тебя какой-нибудь откроем? Благотворительный – вот тебе и занятие, и жалеть сможешь всех сирых и убогих.

Мне снова захотелось истерически расхохотаться:

– Вань, да это никогда не закончится! Никогда все не разрулится! И когда-нибудь тебя убьют или посадят. Плевать мне на остальных! Но на тебя никогда плевать не будет.

Муж подался вперед и прожег меня пристальным взглядом, одновременно им же и успокоил. И голос смягчил до той вибрирующей ноты, которая всегда вызывала во мне приятный трепет:

– А я тебе скажу, Лиз, что будет. Я все силы на легализацию бросил. Конечно, есть еще хвосты и старые терки, они за один день не отваливаются. Но не пройдет и пары лет, как ты не вспомнишь о своих страхах.

– Правда? – я уже не верила таким словам.

И Иван заверил:

– Правда. Тогда послушай еще, красавица моя. Мы столичку несколько лет назад поделили, и вчерашнее не лезет ни в какие ворота. Нравится тебе это или нет, но я и есть здесь основа порядка. Никаким полицаям не выгодно, чтобы по улицам опять шестерки друг с другом воевали. Думаешь, почему меня не сажают, милая? Да потому, что нельзя меня посадить и не огрести на следующий день беспредела. Но все меняется, а некоторым неймется. Враги старые и новые – и хуй их разберет, кто где.

Я припомнила:

– Вчера ребята про Алаева какого-то говорили.

И Ваня продолжил, коротко кивнув:

– Мы с Кошей ругались потому, что во мнениях в кои-то веки разошлись. Он против Алаева уже ночью выдвинуться хотел, а я тормознул поход. Там та еще мразь, спору нет, но не кретин. Не могу придумать, зачем Алаеву сейчас войну мне объявлять, когда мы основные проблемы кое-как уладили. Меня на этом этапе убивать бессмысленно, себе дороже выйдет. Каждая гнида в подвале знает, что сразу же структуру возглавит Коша – такая же хитрая сука, как я. Но он не я, ему до легализации еще дорасти надо. А за меня он мстить будет, как за отца родного, мало никому не покажется. Вот и вопросище, Лиз: его убрать хотят, чтобы потом до меня добраться, или его хотят убрать, потому что он сам по себе такая прелесть, от которой всю гопоту наизнанку выворачивает? Потому я и психовал – разобраться сначала надо, понять, кто враг, а уже потом очень

тихо проблему решить. И идти дальше – вот по тому пути, который я тебе и расписал. Но и двигаться нельзя, пока не разберемся. Понимаешь?

У меня челюсть отвисла.

– Вань… ты впервые мне что-то объясняешь…

Он наконец-то улыбнулся, но взгляд оставался таким же пристальным.

– Потому что хочу твоего спокойствия больше, чем ты сама его хочешь, красивая моя девочка. И чтобы не сердилась, потому что в ближайшее время мне снова придется повоевать. И чтобы не печалилась, что пару недель на дне полежишь. Мир строить надо, это война сама собой строится. И желательно, чтобы потом в этом мире ты осталась – живая и невредимая. А иначе на кой черт мне такая победа?

Я не выдержала – подошла к нему и обняла. Наверное, это я была наивной дурой, когда считала, что вся его структура перестроится за один день – такого не бывает. Но он нацелен туда же, куда и я. И в ласке моей была благодарность – за то, что снизошел и поговорил со мной так, как будто считал меня способной понять.

Сашу я больше не навещала – очень не хотелось, чтобы муж заподозрил меня в какой-то симпатии к спасителю. Коши в доме вообще несколько дней не наблюдалось – похоже, Иван его куда-то выслал от греха подальше. Мужу мир без меня не нужен, я это ясно услышала, но и наследника он не просто так пригрел – тот должен тоже остаться жив. Не удивлюсь, что и в этом была причина ссоры: Коша явно не хотел бы покидать шефа ради собственной безопасности. Они все какие-то безумцы, все живут на драйве и азарте – и это тоже одна из причин, почему к новой жизни перестроиться сразу не выходит.

Как бы не получилось так, что эта причина и есть единственная.

Глава 6

Дом на несколько дней затих. Иван почти не заходил, где-то постоянно мотался с большинством ребят. Хотя охрана, конечно же, была на месте. Я от скуки почти целыми днями блуждала от конюшни в сад, от сада в конюшню. И на третий день решила лечь намного раньше обычного. Но в спальню постучали.

– Хребет? – я удивилась, когда увидела знакомого коренастого паренька. – Что случилось?

– Ничего, Елизавета Андреевна! – он ответил с легкой улыбкой. – Переодевайтесь. Иван Алексеевич попросил отвезти вас к нему.

Я бросила взгляд на сотовый.

– Почему же он сам не позвонил?

– Мобилу посеял, – был мне ответ. – Собирайтесь, надо поспешить.

Но я вскочила на ноги и спросила:

– Хочешь сказать, здесь небезопасно?

– Хочу сказать, что Иван Алексеич распорядился. И коли надо, он вам сам объяснит.

– Хорошо. Дай мне пять минут.

Однако, выискивая в гардеробе свитер к джинсам и удобную обувь, я не отрывала смартфон от уха. Номер мужа действительно оказался отключенным. Не странно потерять телефон, но Иван определенно нашел бы другой аппарат, с которого можно было набрать меня. Подошла и к окнам, еще даже не стемнело. В будке сидела охрана – все как обычно. Если ожидается, что сюда нагрянут преступники, то не правильнее было бы всеми силами и дать отпор? Иван свой дом на разграбление не оставит… И уж точно не оставит в будке пятерку людей. Что-то здесь не так.

В дверь громко застучали.

– Поспешите, Елизавета Андреевна!

– Сейчас, Хребет, сейчас.

Я просто не знаю всего – у Ивана вполне могли быть мотивы меня выдернуть из дома. Но если бы за мной отправили Кошу, тогда и сомнений не возникло бы… но его же вроде бы выслали куда-то, отстранили от дел. Хотя последнее натолкнуло на новую мысль, и я набрала Кошу. Никогда до сих пор этого не делала, хотя его номер был сохранен – «на всякий пожарный», а странности зудели, что текущий случай «всякий пожарный» и есть. Он, к удивлению, ответил сразу:

– Что?

И я выпалила:

– За мной Хребет зашел. Говорит, что от мужа. Ты в курсе? У тебя есть связь с Иваном? Все в порядке?

– Все в порядке, – монотонно ответил тот. – Но время потяните.

– Зачем?..

Но он скинул вызов – вот и все ответы, нашла, у кого спрашивать. А больше ничьих номеров в списке контактов у меня и не водилось. Так, надо успокоиться. Выйти спокойно, но во дворе окликнуть охрану – просто спросить, могут ли звякнуть Ивану или ребятам, которые сейчас с мужем. Снова стук – теперь почти грохот. И зачем же Хребет меня так торопит? А не пристрелит ли тихо в комнате, если не изображу, что никаких странностей не замечаю, или заподозрит, что я кому-то звоню?

Натянула улыбку, распахнула дверь и зашагала перед ним вниз по лестнице.

– Хребет, ну хоть подскажи – Ваня для меня романтическое свидание задумал?

– Ага, задумал.

– О, я тогда неправильно нарядилась? Хороший ресторан? Может, мне коктейльное платье надеть?

– Да нет, Елизавета Андреевна, без разницы…

Видимой спешки больше не было, но я спиной ощущала напряжение – или просто напрягалась сама. Но в холле нам наперерез выступил Саша.

– Куда? – он вел себя точно так же, как до ранения.

– Вышел на целебную прогулку, герой? – гоготнул Хребет. – Все нормально, не беспокойся, приказ шефа.

– Тогда я с вами.

– Да зачем же? У тебя законный больничный, отдыхай. Или думаешь, что я баранку без твоей помощи выкрутить не смогу?

По глазам телохранителя не было понятно, разделяет ли он мое волнение. Хребет не то чтобы дергался, но именно его в роли моего провожатого видеть было как-то странно. И я на секунду расширила веки, рефлекторно сигнализируя о своем беспокойстве.

– Да мне давно проветриться нужно, – Саша заулыбался привычно. – Болело только плечо, а со мной обращаются, как с инвалидом.

– Остынь, герой, – Хребет напрягся, но в ответ тоже растянул лыбу, будто отвечал на дружелюбную эмоцию. Вот только всем троим было понятно, что общая радость не была искренней. – Братва и так ржет, что ты на хозяйку влюбленными глазами смотришь. Поостерегся бы!

Теперь я уже не сомневалась, что дело нечисто. Дикость содержалась даже не в скабрезном намеке, за который Ваня, будь он здесь, выбил бы подчиненному все зубы, а в самой непривычной разговорчивости. Мой телохранитель его едва знал, но я за четыре года от Хребта и четырех слов подряд в свой адрес не

слышала, а тут прямо изливается – так хочет убедить в чем-то. Он явно заинтересован разойтись, и как можно быстрее, но в случае проблем наверняка вытащит ствол. А Саша одет в футболку и спортивные штаны, у него при себе нет оружия. Он и сам по себе оружие, однако против пистолета бессилен… Это меня испугало:

– Саш, действительно, нет повода тебя дергать. Это верный человек Ивана! – и снова распахнула веки на миг – как только мы сядем в машину, ему стоит рвануть к охране. Если те не откроют ворота, то мы и выехать не сможем, зато у него появятся помощники – вооруженные и не раненые. Я всеми силами изображала легкомысленную веселость: – Хребет, заверну еще в туалет? Носик попудрю перед встречей с мужем.

– Не надо, – он двумя пальцами тронул меня за локоть, и этот жест я восприняла настоящей угрозой. – Отличный у вас носик, Елизавета Андреевна.

– Что же ты такой неромантичный? – я давила из себя глупости, но уверена, что выдавала свое состояние бледностью. – Даже прическу не дал соорудить!

– Просто… ждет он вас очень, Елизавета Андреевна. В хорошем ресторане.

Я бросила еще один взгляд на Сашу и повиновалась провожатому, который свернул в левый коридор. Оттуда был выход в подземный гараж и во двор. Целых пять шагов я верила, что сейчас Саша налетит сзади и оглушит его, но этого не произошло – по всей видимости, наши мысли сошлись, или телохранитель даже точно уловил, как Хребет нащупал пистолет в кармане. Должен ли он снова подставляться за меня?

А в коридоре Хребет уже не сдерживался – схватил меня и потащил за собой почти волоком, однако продолжал нести свой абсурд, в который теперь при всем желании поверить было невозможно:

– Поедем сейчас, Елизавета Андреевна, чего вы так разволновались? Иван Алексеевич будет очень рад…

Он вывел меня во двор и втолкнул в машину. Пока обходил, я попыталась открыть дверь и выскочить, но неожиданно меня схватили сильные руки и прижали к полу, вталкивая между сиденьями. Я закричала, попыталась

вывернуться, но получила удар кулаком в лицо, и тут же грузное тело придавило сверху, чтобы из окна нас не было видно. Кто-то прятался в машине – сообщник. И охрана не заподозрила неладного, ведь Хребет въехал на территорию будто один.

В стороне раздался крик Саши – он орал про ворота охране, значит, уловил мой посыл. Но Хребет газанул и на полной скорости понесся на выход. Еще через несколько секунд я с ужасом поняла, что ворота не были закрыты – может, он заранее попросил об этом, а теперь люди в будке просто не успели среагировать. Раздался скрежет машины о железо, но автомобиль закрывающаяся решетка уже не удержала. Мы резко вывернули на дорогу, однако скорости не сбавили.

После этого мне позволили поднять голову. Мужик слез с меня и сел на сиденье, не стал мешать и мне чуть вытянуться вверх, но из заднего кармана джинсов выхватил мой сотовый и выкинул в окно. Он был незнакомым и заметно психовал:

– Почему столько шума, Хребет? Ты должен был сделать тихо!

Водитель не отвечал и, кажется, только прибавлял газа.

Я снова дотянулась до дверной ручки, но она оказалась заблокирована. Мужик усмехнулся над моими потугами. Зато на лицо глянул и произнес, уложив пистолет с глушителем на бедро:

– Симпатичная. Сиди смирно, киса, к тебе никаких вопросов нет. И не будет, если Морозов тебя действительно ценит, как нам напели.

Понятно. Значит, нужна заложница, а Ивана ничем не проймешь. Он объявил кому-то новую или старую войну, но такого поворота не предвидел. И они, возможно, сделали единственную ставку, которая могла бы сыграть, – Ваня даже на похищение сыновей спокойнее бы отреагировал. Не знаю, будет ли он меня выкупать, но явно наломает дров, когда ему сообщат. Хотя речь точно не идет о деньгах – не те люди, тут что-то другое… Влияние? Столицу распилили, и кто знает, не хочется ли кому-то ее перепилить?..

Я прижалась щекой к стеклу, скуля от боли и страха. Они плохо знают Ваню – у него нет слабостей. И я – не его слабость, у них не получится его так достать. Не про то его любовь ко мне, она другой природы. Он может вообще меня отдать им на растерзание или сдаться на время, признать проигрыш, но в любом из этих вариантов потом вернет моим обидчикам сторицей. А ведь Ваня упоминал о крысе… Хребет, наверное, почувствовал, что может быть раскрыт, потому и терять ему больше было нечего.

Сзади приближалась машина, я обратила на нее внимание из-за скрипа тормозов на повороте.

– Прибавь-ка еще! – заголосил мужик. – Охрана среагировала! Нам до отворота на трассу добраться, там уже наши – снимут погоню. Сука, говорили же тебе, чтоб тихо!

От дома вела одна дорога – самый опасный для них участок, который они и спешили миновать быстрее. До окружной, по моим прикидкам, осталось не больше километра, и Хребет оказался прекрасным водителем – он на полном ходу обгонял редкие машины по нашей полосе и рулил уверенно. А потом вывернул в сторону кладбища – пришлось чуть сбавить скорость из-за щебенки, зато до трассы срежет угол по безлюдью.

– Не охрана, – ответил Хребет, глянув в зеркало. Из двоих он выглядел более спокойным. – Они бы не успели. Это рыцарь нашей мадамы. Он раненый и без ствола. Так что просто проводит нас до нужного места эскортом, что он еще сделает?

– Зеленый? – громила сзади щурился, пытаясь разглядеть водителя в преследующей машине.

– Зеленый, но камикадзе, – через секунду отозвался Хребет, однако начал бросать все больше взволнованных взглядов назад, как будто и сам ожидал от Саши какого-нибудь магического трюка.

Тот не отставал, но и расстояние больше не сокращалось, а на трассе его уже будет кому задержать… Это же понимали мои похитители, потому мужик и ухмылялся увереннее. Я от ужаса стучала зубами, но старалась не издавать звуков. Мне одного удара хватило, но этот и ногами затопчет, если я к его

психозу добавлю своего.

– Еще ответишь за шум, – он зачем-то продолжал шипеть на подельника. – Спасибо, что Коша где-то шифруется, тот псих бы нам…

Он не договорил, поскольку Хребет вскрикнул. Мы уставились теперь в лобовое стекло – по встречной на нас неслась другая иномарка. Страх не отступил, но я истерично усмехнулась. Кажется, кто-то накаркал – не поминай имя психа всуе.

Мужик сзади даже пистолет поднять не успел – машина врезалась в нас, свернув влево за секунду до столкновения и снося бампер на полном ходу. Почти сразу другая машина ударила сзади. От двойного тарана нас развернуло почти на сто восемьдесят градусов, Хребет налетел на руль и застонал. Тот, что сидел рядом со мной, начал палить в стекло, оно разлетелось с оглушительным треском, но Саша пригнулся. Переднее стекло разбил Коша и, пока Хребет не отошел от удара, всадил ему нож прямо в глаз. И сразу же присел, уходя от выстрела. Громила запаниковал, но вспомнил обо мне и схватил за волосы, вереща:

– Отойдите! Иначе…

Плана у него на такой случай явно не было, потому и осекся. Глушитель больно давил мне в щеку. До трассы мы не доехали. Он может меня пристрелить, но себе жизнь этим уже не спасет. А машина не факт, что заведется, даже если он чудесным образом переместится за руль. Но мужик взял себя в руки и шумно вдохнул. После чего и голос его прозвучал размеренно, впервые за всю гонку:

– Коша, спокойно, я сказал! – быстрый взгляд в сторону. – Ты, как тебя, руки подними, чтобы я их видел! Еще на два шага отойди, стой так. Коша, разблокируй двери! Быстрее. Или я вынесу ей мозги.

Коша протянул руку над трупом и нажал нужную кнопку. Но как-то не особенно спешил. Потом еще и нас окинул почти дружелюбным взглядом:

– Так выноси, чего ждешь? Мне без разницы. Зато я тебя потом неделю выносить буду, даже Иван Алексеевич начнет жалеть то, что от тебя останется.

Рука громилы задрожала. Я тоже соображала, что он вообще может предпринять в такой момент. Выйти из машины, прикрываясь мною? Но после слов Коши даже у меня не было уверенности, что такое прикрытие сработает. И, наверное, он принял единственно правильное решение – оторвал пистолет от моего виска и попытался выстрелить сначала в Кошу. Но я больше от страха, чем от осознанной мысли, успела толкнуть его руку, потому пуля ушла в сторону. Зато этой секунды хватило Саше, чтобы распахнуть дверь, перехватить того за локоть и заломить руку. Коша выдернул нож и протянул ему – прямо перед моим лицом. Но Саша качнул головой, не принимая такой вариант:

– Нет! Надо вызвать полицию!

– Ну да, сейчас вызовем, – отозвался Коша. – Расскажем, как у честных граждан девушку украли, а мы благородно ее спасли. Ты совсем дебил?

Не дождавшись реакции, он сам обошел машину. Мужик хрипел, но не мог вырваться из захвата, Саша сцепил челюсти до ходящих желваков. Я очнулась и вылетела наружу, не желая смотреть, как жертве перерезают горло.

Коша вышел ко мне последним, Саша смотрел в землю, а не на меня. Но его хлопнули по плечу и заверили:

– Теперь ты соучастник, то есть окончательно свой. Поздравляю с повышением, Александр.

Саша сплюнул на землю и впервые при мне выругался:

– Твою ж мать…

– Ну вот, теперь и разговариваешь, как свой. – Коша смотрел на проносящийся всего в двухстах метрах по асфальтированной дороге автомобиль. Там выстрелов не должны были услышать, но полицию скоро в любом случае вызовут, если кому-то придет в голову свернуть к кладбищу.

– Убираться отсюда надо, – озвучил Коша общую мысль.

– В дом! – Саша кивнул на свою машину.

– Не уверен. Там чоповцы, от них проку с гулькин хер, да и перекупить их дешевле, чем своего. Слушай и запоминай. В дом не возвращайся, жди звонка. – Вынул из кармана свой сотовый и протянул телохранителю. – Иван Алексеевич позвонит сразу, как ему доложат, скажет тебе, куда подъехать. Мне туда нельзя, приказ шефа. Если арестуют – показаний не давай и жди, вытащат. Скажи боссу, что здесь убрать надо и что я был прав. Елизавета Андреевна со мной посидит, пусть не беспокоится.

– Но…

– Все, живо.

Он захлопнул все двери разгроханной машины с двумя телами и потащил меня к своей. Я не сопротивлялась, хотя от предыдущего похищения его действия мало чем отличались. И машина разворачивалась с тем же визгом, как недавно. Но облегчение накатывало такой волной, что меня на спинку откидывало. Обошлось. На этот раз обошлось.

Привез меня Коша в квартирку на окраине города – не так уж далеко от нашего дома. Однокомнатная хрущевка, где он и жил в последние дни. Обои лоскутами висят, стены картонные – слышно, как гулко ругаются в метре от нас соседи. Я только в ней, усевшись на старый разодранный матрас на полу, впервые заговорила:

– Вообще-то, странно, что муж отстранил тебя от разборок. Сидишь тут, в безопасности, пока он воюет.

Коша задернул шторы и ответил после долгой паузы:

– Еще не воюет, ищет врага. А меня отстранил, чтобы я бойню не начал, пока он не будет уверен.

– То есть ты у него тот, кто мочит всех без разбора?

– Я тот, кто сразу подумал на Алаева. И оказалось, что был прав – того быка не знаю, но он знает меня. Только алаевская братва точит на меня столько зубов, чтобы сразу узнавать.

– Но до сегодняшнего дня ты не мог быть в этом уверенным! Значит, Ваня правильно тебя отстранил!

– Мог и был. – Коша потрогал расшатанный табурет, потом осторожно на него сел. Сам, похоже, удивился, что тот под ним не развалился. – Чаще всего любого можно узнать по почерку. Просто такие люди не меняются. Как и их методы.

– Ты сейчас про Алаева или про моего Ваню?

Коша не ответил, но попытался растянуть губы в подобие улыбки.

– Елизавета Андреевна, нам с вами здесь долго сидеть. Снова. Давайте попытаемся не ругаться. Например, начните с того, чтобы поблагодарить меня за спасение – приказ нарушил, но явился и сделал все, как надо.

Я вздохнула, признавая его правоту. Но почему-то благодарить не хотелось – вот Саша тоже поучаствовал, и его я поблагодарю от всей души. Вспомнила:

– Или ты лучше начни с того, чтобы поблагодарить меня за твое спасение – это я по руке мужика ударила, хотя себя от шока не помнила!

– Благодарю, – спокойно отозвался он. – Видите, это совсем не сложно – быть благодарным. Единственное, чего вам не хватает. Пойду чайник поставлю.

Я не совсем поняла, о чем он говорит, но переспрашивать не стала. Как-то слишком часто нам вдвоем приходится время коротать, прямо дежавю. Вот только здесь еще меньше места: комнатушка три на три и кухня полтора на полтора. Нам даже на пять метров друг от друга не отойти, чтобы отдышаться.

Но я ошиблась и едва на месте не подскочила, когда хлопнула дверь ванной. Оттуда вынырнула женщина и с веселой улыбкой сыронизировала:

– Вечер в хату, молодежь! В нашем полку все прибывает и прибывает. Спать по очереди придется.

– Анфис, у нас заварка кончается, – отозвался из-за косяка Коша.

– Ночью в круглосуточный сгоняю, закупимся.

У нее на волосах было закручено полотенце, возраст определить почти невозможно – я предположила, что около тридцати. Совсем без косметики и довольно симпатичная, черты тонкие, подошедшие бы и восемнадцатилетней девушке, но вокруг глаз мелкие морщинки от улыбки. На мокрое после душа тело была напялена короткая кожаная юбка и мужская футболка с растянутым воротом. Прошагала босыми ногами по грязному полу ближе ко мне, рассмотрела внимательно и определенно не узнала:

– Это ты девке скулятник разбил? Коть, ты совсем, что ли, пидорас? – женщина спросила мягко, без грамма агрессии. – Вот уж не ожидала, что ты пар на бабах спускаешь.

– Не, не я. Но повтори и угадай, кому я его разобью.

Я бездумно тронула занемевшую от боли щеку. Но в женщине ко мне жалости будто не было – просто интерес.

– Привет, я Лиза, – представилась я, пока не спросили.

– Классный браслетик, – она кивнула на платиновую цепочку на моем запястье и подмигнула. – Откуда ты такая, фря карамельная? Все, все, не ной. Отсидимся, пока шеф уладит, и разойдемся – каждый к своему стойлу.

Я не ныла и не плакала, просто дрожала от изобилия переживаний. И очень быстро поняла, что нам очень повезло с такой «сокамерницей». Ждать придется долго – вполне возможно, несколько дней, но Анфиса оказалась грубовато-веселой и прямолинейно-добродушной – она стала амортизатором напряжения. Но притом не допускала тишины, в которой я могла бы затосковать.

Глава 7

– Если я еще раз услышу эту историю, то на стену полезу, – признался Коша, закатывая глаза к потолку.

Мы не включали свет, но фонарь перед окном без штор был беспощаден – он делал все вокруг одинаково серым. Единственным ярким пятном оставались рыжие волосы Анфисы. Мы сидели втроем на матрасе и пялились на этот фонарь, как в экран телевизора. Женщина упорно называла меня «карамельной фрёй», что бы это ни значило. Но неожиданно за ней подхватил и Коша:

– Два глотка, фря, не сломаешься. У тебя трясучка не проходит.

Скосила на него глаза, но поняла, почему и он так называет – нет причин афишировать, кто я такая. Я резко выдохнула, но разведенный спирт все равно бил в нос. Зато история Анфисы в третий раз уже звучала смешнее:

– Я им сразу сказала, что группен по другому тарифу! Но они обдолбанные все, мама не горюй. Я нашим-то маякнула, чтобы выручали. Ну ничего, думаю, я тебе сейчас немного прикушу, чтобы знал, как честных давалок обижать. А другой ко мне сзади начал пристраиваться – вот у меня челюсть и свело. Кровищи, криков, полный пиздец, а таймер на секунды. Но ребята вовремя дверь вынесли, я даже по роже не успела прохватить. И чинно объясняют, что сами клиенты виноваты. А этот, который о мои зубы покалечился, оказался сыном какой-то шишки! А я их что, по форме яйцев различать должна?

Я завалилась на ее плечо, смеясь уже до слез. Она похлопала меня по лбу, продолжая:

– Иван Алексеич тоже чуть от хохота не помер. А потом давай ругаться – дескать, могла бы и по форме яйцев, у него и без меня проблем дохера. Сюда отправил – отсидись, говорит, мы уладим и тебя потом в другое заведение переведем. А здесь уже Котя сидит. Тоже, наверное, какой-то шишке хер обгрыз. Только пока не признаётся – но ничего, за пару дней сдастся!

Спирт подсказывал, что Иван и проституток крышует, а работа у девочек без такой крыши – просто ад. Про моего мужа Анфиса упоминала несколько раз – с подчеркнутой благодарностью и настоящим уважением. Хотя ей ли было на его понимание рассчитывать? Сам главный в ее вопрос вмешался и справедливо

разрулил. Коша ни в чем признаваться не спешил, потому Анфиса треснула по кружке снизу:

– Давай-давай, фря карамельная, тару-то не задерживай!

На мой вкус, она была умопомрачительной в своей целостности. У нас на троих была одна кружка и одна металлическая миска, в которой умелица умудрилась сварить макароны. Из магазина ночью еще и печенья принесла. У Анфисы наблюдалась такая бешеная энергетика, что она будто сразу стала хозяйкой дома, затмив нас с Кошей вместе взятых. Они здесь вдвоем уже четвертые сутки находились и точно не собирались скулить от скудного быта. И мне в такой компании скулить было стыдно. Мой телефон пропал во время гонки, но меня заверили, что когда закончится срок отсидки – нам непременно сообщат. Притом Коша еще и многозначительно глянул в мою сторону, словно подразумевая с иронией: «Про нас еще могут забыть, а вам-то, Елизавета Андреевна, точно сообщат».

Меня первой уложили спать. По полу сильно дуло, я радовалась хотя бы единственному матрасу. И когда алкоголь начал выветриваться, меня снова затрясло. Хребет мне куртку захватить не позволил, а в квартире не нашлось даже драного пледика. Черная полоса невезения началась, в нее даже отключенное отопление вписалось гармонично. Я стянула с гвоздя на стене Кошину кожанку и попыталась пригреться под ней.

Они вдвоем пили на кухне – не шумели, но все равно слышно из-за тонких стен. И этот день для меня стал открытием во многих вопросах. Кроме трудных будней проституток, я была посвящена и в другие тайны: к примеру, Коша – все-таки не бесполое существо. Они, наверное, думали, что я крепко уснула, потому и не обращали внимания на невольную подслушивательницу.

Анфиса приглушенно смеялась. Похоже, и Коша смеялся, что-то ей нашептывая. Теперь и понятно было ее нежное к нему обращение – они с «Котей» так и коротали свое заточение до моего появления в квартире, я им не стала помехой.

– Тщ-щ, – Коша ее будто успокаивал необычным для себя веселым тоном. – У меня где-то в кармане были, я сейчас.

Он вошел в комнату, застыл передо мной, потом присел и вынул из кармана куртки пачку презервативов. Изобразить крепкий сон мне не удалось, а жмуриться я посчитала совсем уж глупым, потому приоткрыла глаза. На нем не было футболки, и получилось, что я вперилась взглядом в его голый живот. Поджарый, с едва заметной полоской, уходящей вниз. Наверное, женщины, которые его плохо знают, находят Кошу сексуальным.

– Тщ-щ, – он повторил мне тем же тоном. – Спите, Елизавета Андреевна.

Странно, что не опостылевшая «фря». Ответила едва слышно:

– Сплю. Не стесняйтесь.

– И не думали.

Он так же бесшумно встал и вернулся на кухню, не забыв снова прикрыть за собой дверь. И опять глухие смешки, шепот, ерзанье, а потом ритмичные стуки стола о стену. Анфиса вскрикнула, но снова чей-то смех перекрыл внахлест непонятную сумятицу. Я зажала нижнюю губу зубами. Неловко как, хотя мне-то чего смущаться? Не невинную девочку он там трахает, и она отдается не невинному мальчику. Там, на грязной кухне полтора на полтора, ангелов не водится. Ритмичный стук стола тому доказательство. Взрослые люди нашли способ скоротать пустое в ожидании время, ничего экстраординарного. Но меня смущало.

Интересно, он ей за это заплатит, или крыше дают просто так, наподобие «налогов»? И она всегда с клиентами так сдавленно постанывает на каждом толчке? Это отработанный маневр, или выходит непроизвольно? Интересно, а Коша ее целует или отстранен, как обычно? Он, наверное, в сексе теряет свою непроницаемую маску. Возможно, вообще на себя не похож. Но предполагаю, что он совсем немного жесток, агрессивен. Или он закусывает губу так же, как я сейчас?

Они продолжили в ванной, я только после их перемещения смогла задремать. Но под утро меня колотило от холода. Я даже не сразу поняла, что проснулась от шепота Анфисы, пытаясь сжаться еще сильнее.

– Девка-то наша совсем замерзла. Ну, фря, ты совсем изнеженная, что ли?

– Так грей, – тихо отозвался Коша. – Не я же. Моя задача, чтобы она живой отсюда вышла, но не я в ее карамельности виноват.

Она обняла меня сзади, с силой притянула к себе, растирая под курткой плечо. И выдохнула с запахом алкоголя:

– Сука ты, Коша. Кобель, конечно, но такая сука. Без сердца жить тоскливо.

Я невольно улыбнулась ее определению. Вот а в Анфисе какой дефект? Ведь однозначно хороший человек, из нее душа поверх оболочки прет. И почему себе такую работу выбрала? Дело и в моральности, в необходимости еженощно через себя переступать, и в риске – даже в элитном эскорте девочки рисковали нарваться на неприятности, а уж обычную проститутку завтра могут в подворотне найти с перерезанным горлом. Но Анфиса будто через себя и не переступает, есть такие люди, которых вокруг меня – каждый первый. Генетикой или злой судьбой в них заложена страсть к саморазрушению, вот они только такие пути и выбирают… Не «они» – и я с ними.

Пижона я возненавидела. Он на следующий день заскочил к нам и забрал Анфису, а мы оба не хотели ее отдавать. Оказалось, что ее проблемка уже улажена, а с Кошей Пижон совсем недолго пошептался. Вернул сотовый и покачал головой в ответ на какой-то вопрос, после чего Коша выругался. На меня сподручный даже не глянул – вероятно, извиняться не хотел, что меня пока не забирает. А означать это могло только одно: в доме неспокойно, у Ивана серьезная бойня, потому мне стоит оставаться здесь – в неуюте и безопасности. Почему не дергают Кошу, когда с врагом определились, совсем непонятно. Но по его хмурому взгляду, когда за Анфисой и Пижоном захлопнулась дверь, я догадалась – вполне возможно, одну меня оставлять никак нельзя, вот и выбрали самую дрессированную собаку из всей псарни.

От этой мысли холод пробежал по спине – так нам вдвоем тут еще сколько куковать, если я не ошиблась в предположении? А потом другой волной, уже ледяной – нам тут без Анфисы куковать? Да она ж единственная, кто в нашу компанию жизнь вдыхал! И Коша придерживался той же мысли:

– Лучше бы хавчика привез, чем наши ресурсы забирать.

Я не ответила. Здесь даже телевизора не было, ни одной газетенки, которую можно было бы почитать. Я сидела на матрасе и пялилась на фонарь за окном, ожидая, когда он загорится. Загорелся. Веселее не стало. А если неделю здесь сидеть придется? А как насчет двух недель? А как люди годами в тюрьме с ума не сходят? Вот так сидят и думают о своем поведении? Думала и я. Но ничего надумать не могла, мысли, наоборот, будто заморозились и больше не шевелились.

– Пора поесть, Елизавета Андреевна.

Коша всунул мне в руку единственную миску с плотным комком макарон. У Анфисы вчера получилось это же блюдо намного лучше.

Если между фразами делать длинные-длинные паузы, то они займут больше времени – фразы, в смысле. Тишина может и раздавить, а у нас всего несколько патронов – их надо расходовать экономно, чтобы не истратить быстро, но вовремя отпугнуть тишину. Потому я вначале поковырялась в ужине, потом позалипала на фонарь и лишь после отреагировала:

– Я теперь снова Елизавета Андреевна? Перестала быть фрёй? Что это слово вообще значит?

Коша скорее всего уловил основное правило игры, потому тоже ответил не сразу – целых десять минут наблюдал за фонарем. И когда заговорил, то ли вообще забыл о вопросе, то ли не собирался поддерживать именно эту тему:

– Может, нам кастрюлю купить?

– Кастрюля – это шикарно, – одобрила я еще через пятнадцать минут. – В ней проще варить макароны, а в остальное время сможем по ней стучать – один удар ты, один я.

За окном совсем стемнело, потому фонарь сам по себе становился все более интересным. Коша медленно вдохнул.

– Тогда кастрюлю покупать не будем. Лучше консервы в банках, их открывать весело – одну вы, одну я. Но мне приказано не выходить, поэтому ждем, когда

вообще жрать ничего не останется. Надо настраиваться, что нам так сидеть не меньше трех дней. За это время Иван Алексеевич или прижмет Алаева, или Алаев прижмет Ивана Алексеевича.

Фонарь тонко намекал, что в этом не осталось повода для беспокойства. Волноваться следовало о другом:

– За три дня мой мозг прикажет долго жить.

– А разве он еще не? Вы четыре года почти не разговаривали, и нате – прорвало.

Жестоко, но справедливо. Почти.

– Не совсем так, Коша. Я могла с прислугой здороваться, в интернете сидеть, книги читать и раз в неделю видеть мужа. О, кстати, еще и хлопать в ладоши могла – от того, как мне в жизни повезло.

– Хлопайте. – Коша медленно перевел взгляд на мой профиль. – Кто мешает?

– Отсутствие повода мешает.

– Как будто он раньше был.

– Не было. Это шутка такая.

– Ха. Ха, – Коша отреагировал монотонно. – Правду говорят, юмор украшает жизнь.

– Знаешь, наша первая стратегия друг с другом не разговаривать теперь выглядит не самой проигрышной.

Но он не замолчал:

– Согласен. Кстати, можно постоянно спать. Я умею спать постоянно, а вы?

Он, если не ошибаюсь, и прошлой ночью не спал, если только не пристроился удобно на табуретке. Но я снова с сожалением вспомнила о покинувшей нас Анфисе – вот бы с кем вечер проходил не так томно!

– Нет, Коша, я не буду спать ночью. Очень дует по полу. Днем высплюсь.

– Спирта еще можем развести. Пожиже, чтобы на три дня хватило.

– Заманчивое предложение. Я, когда в детстве гаммы учила, о том и мечтала: вот вырасту, консерваторию закончу и буду глушить спирт в компании бандюгана. Иногда даже радуюсь, что мамы больше нет, не видит, как детские мечты сбываются.

Коша после долгого молчания встал и отправился на кухню. Но вернулся не с разбавленным спиртом, а с пистолетом. Протянул мне.

– Зачем? – я удивилась и взяла, оценивая тяжесть.

– Вот так снимается с предохранителя. – Он показал. – Только не стреляйте, даже если я начну очень раздражать. Шуметь нельзя.

Ну, я пощелкала предохранителем, раз больше ничего нельзя. А потом спросила снова:

– Зачем?

Он пожал плечами.

– Вы же сами как-то просили. И опыт показал, что вы были правы. Вырубили бы Хребта на подходе, все бы глаже обошлось.

Я и в фонарь немного поцелилась, хотя он мне ничего плохого не сделал. Это было новое развлечение: щелкнуть предохранителем, напугать фонарь, убедиться, что фонарю все до фонаря, щелкнуть предохранителем. Но надолго не хватило. Потому Коша опять встал и подал мне руку.

– Танцевать зовешь? – сразу догадалась я, однако в ответ прозвучало только со скепсисом:

– Ну да.

Я поднялась сама – не калека. Но Коша с силой схватил меня за запястье. На возмущенный взгляд объяснил:

– Вывернуть надо через большой палец, это единственное слабое место в захвате. Резче!

У меня почти сразу получилось – но только после того, как он сам чуть ослабил захват. Однако принцип я поняла и некоторое время, пыхтя, тренировалась. Как только начало получаться увереннее, Коша продолжил:

– Теперь дальше – если мужик не слишком здоровый, то лучше сразу самой перехватить. В идеале – заломить руку.

Он показал на мне и тут же протянул свою, чтобы тренировалась. Мягко говоря, этот прием оказался намного сложнее. Я уловила, куда давить и как заламывать, вот только конечность его никак не поддавалась.

– То есть ты относишься к слишком здоровым мужикам? – спросила я, констатируя выводы.

– Да нет, просто действовать надо быстрее, чтобы скорость в инерцию вложить.

Веселее занятия у нас все равно не было, и я репетировала со всем рвением. Наконец-то удалось вовремя и на плечо надавить, и руку его назад завести. Но через секунду уточнила:

– Ты поддался?

– Что вы, Елизавета Андреевна, вы просто грозный противник, – прозвучало как-то уж совсем ехидно. – Руку только мне не сломайте, очень прошу.

Я от злости еще раз ударила его в плечевой сустав. Но Москва не сразу строилась, и все ребята не в первый же миг умели другим морды бить. К тому же это азартно и нескучно. Нескучно было в первую сотню повторений, во вторую уже как-то начало надоедать, но я делала и делала, – Коша заверил, что должно дойти до автоматизма, и если само движение займет доли секунды, то это компенсирует разницу в силе.

Вряд ли разница между нами хоть как-то компенсировалась, но один раз он даже коротко выдохнул – не похвалил, не признал мои успехи, а просто выдохнул. Я решила, что это равно медали на чемпионате по боям без правил, и еще сильнее вдохновилась.

Вырваться из захвата сзади тоже поначалу было непросто, зато время как бойко побежало! И легко, еще до первых успехов, представлялась, как налетит на меня со спины маньяк-насильник, перехватит могучей рукой за шею, а я ему – хрясь! – устрою сюрприз, как показано. Иногда казалось, что Коша улыбается, но стоило мне посмотреть прямо, я видела лишь равнодушную сосредоточенность.

– Это просто, если отработать, – подгонял он. – Думать в такие моменты некогда, потому автоматом включаем реакцию на правшей. Еще раз, перехватываем руку сверху, шаг вправо, уводим подбородок, голову вниз, залом сзади, как до этого тренировали. Если вы не с бывшей одноклассницей будете делить первую любовь, то не делайте ставку на силу. Вам перевес даст только скорость и неожиданность, потому не должно быть ни одного лишнего движения – на него нет времени. Пока медленно, Елизавета Андреевна.

Я уже порядком устала и сильно запыхалась, но останавливаться намерена не была. Просто требовалось несколько секунд для передышки.

– Ты хоть сейчас бы без Андреевны обошелся.

– Хорошо, фря карамельная, – Коша вообще не удивил своим предложением.

– Ничуть не короче! – раскритиковала я. – Человек, который уже десять раз схватил меня за горло, может называть меня Лизой.

– Только при одном условии – если вы начнете называть меня Русланом Владимировичем. Все, кого я десять раз схватил за горло, так и называют.

– Ладно, «Елизавета Андреевна» сойдет. Продолжаем.

Еще несколько часов назад я думала, что подобное невозможно. Но теперь и сама понимала, что можно вырваться, если тебя неожиданно перехватили. Особенно когда какой-нибудь Хребет от утонченной цыпочки такого не ожидает. И Коша немного расслабился – он хватал меня уже резче и с силой, чтобы я полировала навык в условиях, близких к реальным.

В очередной раз задохнулась и внесла идею:

– Вот и аппетит проснулся! Предлагаю сделать перерыв на печенье и разбавленный спирт!

– Можно.

Я повернулась к кухне, в темноте по коридору шагать нужно осторожно. Но Коша перехватил сзади за шею. Отточенный шаг вправо, не забыла про подбородок, и вскрик, когда маневр не удался:

– Как так? Ты другой рукой схватил!

– Потому что я левша, – раздалось почти в ухо. – Для таких, как вы, недоучек, страшнее ничего не бывает. После перекуса будем тренировать левый захват.

Спать я отправилась, когда уже рассвело и в комнате начало теплеть. Коша уместил только голову на матрас у меня в ногах. Но куртку его я ему не предложила, я вообще ее сразу приватизировала как самую бесценную здесь вещь. Усталость навалилась разом, приятная и избавляющая от тоски. В нашей отсидке найден смысл, так почему бы не радоваться – пусть и не до хлопков в ладоши?

Глава 8

Второй день прошел намного веселее первого. Мы мешали тренировки с отдыхом, а гречку в чайнике варили вместе. Коша был принципиально против такого кулинарного подхода:

– А чай будем в ложке заваривать?

– В тарелке! – отрезала я. – И не отвлекай, я уже и забыла, как гречку варить…

По крайней мере, поели мы почти прилично. И вновь принялись за отработку нового приема. Коша настаивал, что ногами мне лучше не бить – если перехватят, то позицию точно потеряю. Но в некоторых случаях пинок в лицо просто напрашивается.

– Давайте еще раз, – командовал он. – И только в случае удачного захвата. Если есть капля сомнений, то лучше локтем сверху.

А мне так хотелось хоть раз все-таки попасть ему по носу – не потому, что я большая любительница причинять кому-то боль, просто это означало бы мой прогресс. Сам Коша на похвалу скуп, потому мне и требовались другие подтверждения. Но он почему-то постоянно уворачивался ровно за полсекунды до столкновения и вновь призывал повторять. В очередной раз, когда после самого удачного захвата колено опять прошило только воздух, я зарычала от бессилия.

– А это что еще за звук? – Коша выпрямился и отступил.

– Злюсь, – честно призналась я. – Злюсь, что три последних часа прошли даром – у меня не получается.

– Получится на пятом или девятнадцатом часу, – он будто удивился. – Любая отработка требует времени, особенно если с нуля. Но злиться-то зачем?

– Потому что я человек! – Я развела руками.

– А. Вот это еще один ваш недостаток, Елизавета Андреевна.

– Быть человеком? – я рассмеялась от несуразицы.

– Сделаем перерыв.

Мы снова перекусили пустой гречкой, но на этот раз позволили себе по паре глотков алкоголя. У меня болело все – от сухожилий под коленями до кончиков ногтей. Хорошо еще, что я вырядилась в джинсы, в коктейльном платье сейчас и такое развлечение не было бы доступно. И уже снова вечерело, а я так или иначе освоила пятерку ходовых приемов – пусть не против Коши, но против какого-нибудь инвалида без рук и ног смогу выстоять. Передала ему единственную кружку и попросила:

– Может, все-таки научишь меня стрелять? Ну, когда вернемся домой.

– Я? Пусть телохранитель учит. Или инструктор, если Иван Алексеевич сочтет нужным.

Я усмехнулась.

– Минуты считаешь, когда сможешь вернуться к своим делам – мочить, избивать и пытать, а не со мной возиться? – не дождалась ответа и продолжила: – Но я так скажу – я вижу и плюсы в том, что оказалась здесь именно с тобой. Очень сомневаюсь, что дома Ваня кому-то позволит бить меня.

– Я и не бил – вы сами рукой об меня ударились. Кстати, именно поэтому упражнения бессмысленны. Хороший блок не научишься ставить, пока не поймешь, как прилетает по роже при плохом блоке.

Я кивнула, прекрасно понимая, о чем он говорит. Приняла кружку, а глотки делала микроскопические – только для того, чтобы энергия прибавлялась, но от опьянения не разморило. Мы сидели на матрасе, вытянув ноги, и наблюдали за опостылевшим фонарем, который скоро станет выглядеть ярче. Это поможет скоротать ночь, а спать уляжемся снова на рассвете.

– А что про злость, Кош? – вспомнила я. – И как же здоровая агрессия в драке?

Он ответил после длинной паузы:

– Хватит здорового понимания, что и зачем делаешь. А вот из себя выходить нельзя – это увеличивает количество ошибок. Возьмите за установку, что если вышли из себя, то проиграли.

– Вообще никогда?

– Только в присутствии самых близких людей, которым на сто процентов доверяете. Или когда трахаетесь, – он, кажется, не насмехался надо мной, а действительно погрузился в объяснение. – Во всех остальных случаях эмоции должны быть выверенными. Уж особенно в драке. И особенно в вашем случае, когда нет ни одной секунды на лишний маневр.

Я перевела взгляд на его профиль – хотелось убедиться, что действительно не смеется.

– Такое ощущение, Коша, что ты вовсе не о драках говоришь, а вообще обо всем. Намекаешь на две мои истерики?

– Зачем же намекать? Прямо говорю. Ну поорали вы, поплакали – много этим добились?

Я всерьез заинтересовалась, потому даже немного подалась к нему:

– Немного. Но разве и Ваня враг мне? Почему с ним-то надо сдерживаться?

– Так вы сами объявили ему войну, Елизавета Андреевна, – обескуражил Коша окончательно. – Начали требовать того, чем он никогда не являлся. Он, соответственно, этому обрадоваться не мог. А действовать следовало наоборот – обозначаете, чего хотите, и ждете, когда он создаст для этого условия. Как с курсами. Но малейшее осуждение – и он уже обрубает очередного судью, а не создает условия. Нет ничего проще, чем быть с ним заодно – Иван Алексеевич таранит мир за себя и за все окружение, но нет ничего хуже, чем оказаться с ним по разные стороны. Вот и ваша ошибка.

– Надо же, как ты хорошо его изучил!

– Это и причина, и следствие моего положения.

– Допустим. И как же этому научиться – не выходить из себя по любому поводу?

– Так же, как ставить блок, многократными повторениями. Вот как люди реагируют на проблему? Задирают руки и пищат «А-а!», если все маты вырезать. А надо иначе. Собираешься и говоришь: «Ща все решим». В любой ситуации, даже если вокруг полная жопа, даже если стены уже рушатся, а в тебя по гланды запихнули кусок арматуры – первая автоматическая реакция: «Ща все решим». Никаких других эмоций, отключка любых дополнительных рефлексов. Попсиховать можно потом – кстати, психовать тоже надо уметь, благополучно переживать психоз, когда вокруг не полная жопа, или когда кому-то надо показать, что ты на грани.

Я расхохоталась от собственных выводов:

– Теперь понятно, почему Иван так к тебе относится! Ты изучил его до такой степени, что можешь безнаказанно манипулировать, а в сложных ситуациях научился не психовать!

Коша слабо поморщился:

– Видимо, не так уж хорошо он ко мне относится, раз я сижу здесь, а братва вся там. И если до выяснения обстоятельств это было еще чем-то оправдано, то теперь…

Коша не договорил, в который раз задумавшись. Он, конечно, из себя не выходил, но легко догадаться, что эта тема ему неприятна, – еще никогда ему не приходилось быть настолько в стороне от общей движухи. И сама ситуация могла означать, что доверие Вани к нему не так незыблемо, как раньше казалось. Или не во всех вопросах.

– Может, он просто не хочет рисковать твоей жизнью, – выдвинула я самое очевидное предположение. – Ладно, разобрались, почему Иван тебя приблизил. Но почему ты сам-то захотел приблизиться?

Коша плеснул еще в кружку мутной жидкости из бутылки. Возможно, и на него слабо действует алкоголь. Хотя не удивительно – мы здесь не голодаем, но и особой сытости не испытываем. И это может быть единственной причиной его разговорчивости:

– Скорее всего, по той же причине, по которой вы вышли за него замуж. Рядом с такими людьми выживать проще всего.

– Поразительно! – выдохнула я. – Ты только что назвал меня приспособленкой. И себя заодно.

– М-да, Елизавета Андреевна, как же вы любите дать всему какое-нибудь гнусное определение, а потом сокрушаться, как гнусно оно звучит.

– Ага, я уже поняла твой подход к жизни – не париться. Но это не значит, что нельзя называть вещи своими именами!

– Да называйте как хотите, – он лениво отмахнулся. – А кто не приспособленец, того с нами больше нет. Отдохнули? Тогда идем дальше тренироваться – почему бы не приспосабливаться к жизни самым оптимальным способом?

Я была не против продолжать занятие, но хорошо понимала, что того настроения больше не поймаю, потому перехватила его за локоть и посадила обратно.

– Подожди, Кош, еще вопрос – и он тоже может быть вопросом моего выживания. Что там с Алаевым? Страшный человек?

– Не страшнее Ивана Алексеевича, – Коша почти улыбнулся. – Но всю свою диаспору сюда перетащил. Дошло до того, что почти в кого ни плюнь – или наш, или алаевский. Раньше мы зверски рамсовали, но лет пять как уладили. Выгоднее ведь поделить зоны влияния и выжимать из них все, чем продолжать бойню, терять людей и ресурсы. Они даже сферы обговорили: Иван Алексеевич – в политику, Алаев – в крупный бизнес, чтобы друг с другом лишний раз не пересекаться и не проверять мир на прочность.

– Не поняла, – я все еще удерживала его за локоть, хотя, Коша, конечно, сможет вырваться, если ему надоест отвечать. – Зачем же Алаеву тогда возвращаться к старому, если все довольны? Объясни! Ведь вчера меня могли похитить – и сомневаюсь, что в случае повторения мне помешает лишняя информация.

– Не знаю, – Коша все-таки встал и пошел к окну, ожидая, когда и я наболтаюсь. – И Иван Алексеевич не знает. Потому все так медленно. Был бы очевидный мотив, иначе бы действовали. Может, Алаев эмоции отключать не научился? Вот стоит теперь на ногах, бабло лопатой гребет, а старые долги так и висят на подкорке.

– Старые долги? – я пыталась понять до конца. – Вы убивали их, они убивали вас. И такое вряд ли перекрывается взаимозачетом.

– Примерно так, – согласился Коша. – Но и о подобном можно договориться. Я когда-то его старшего сына в перестрелке снял. Такое точно взаимозачетом не канает. И при договоре Алаев попросил только одного – мою голову, потому все и проходило так трудно.

Я заметила не без иронии:

– И голова твоя, как вижу, до сих пор на месте.

Коша уже отвечал устало, тоном подчеркивая, что пора заканчивать:

– Она стоила Ивану Алексеевичу двух заводов и одного прокачанного наркотрафика. И после передачи Алаев смирился и пожал ему руку. Ни у кого не будет будущего, если не научиться забывать. Так мы пять лет и считали.

– Чисто по-человечески его можно понять, – задумчиво отозвалась я.

– Нет, Елизавета Андреевна, нельзя, – отрезал Коша. – Если договорились, что вопрос закрыт, то открывать его через несколько лет тупо. Особенно таким образом. Иван Алексеевич старого врага никогда тупым не считал, потому мы все в удивлении.

Больше я не спрашивала – и без того радовалась, что узнала так много. Ваня мне что-то подобное и объяснял: двигаться дальше можно, если за спиной не осталось врагов и черных пятен. Алаев пять лет наблюдал, что Коша жив и здоров, а со временем именно с ним придется вести дела – с убийцей сына. Он не хочет войны – наоборот, хочет уйти с чистой душой в мир, но Коша сам по себе остается для него черным пятном. Убрать бы его, просто вычеркнуть одного

человека из будущего общего договора, – и конец терзаниям. И в это объяснение легко вписывался снайпер. Наверняка и мое похищение туда же – Алаев мог просто потребовать от Ивана одну жизнь за другую, а потом выкупить свою вину заводами и трафиками. Но так скорее он развяжет кровопролитие: «мир строить надо, это война сама собой строится». Но что же там сейчас происходит? Новые разборки и новый дележ трафиков или попытки снова наладить отношения? Как бы то ни было, я невольно восхитилась Иваном – ведь мог бы уладить все проблемы за счет одного своего человека, но даже мысли такой не допускает.

А Коша пусть недовольно щурится – ему даже идет проявление хоть каких-то эмоций. Вряд ли мы выйдем из этой квартиры закадычными приятелями, но точно не сможем относиться друг другу как раньше – с отстраненной прохладцей. В конце концов, он тоже человек. И верен тому, кто сам за него готов рвать. Ваня не просто дрессирует своих псов – он их отлично прикормил собственным характером.

Под утро долго отмывалась в душе – для меня это был период отдыха для всего тела, когда хоть от джинсов можно отдохнуть. Расклеиваться уже не хотелось, и я не прилагала к тому усилий. Все-таки как меняется общение, если совсем немного скорректировать отношение к человеку. Да и Коша смотрит без привычного полного равнодушия – он, оказывается, и на юмор способен, когда я в очередной раз не успевала правильно перехватить его руку при ударе.

Когда вернулась, Коша уже улегся – снова только головой на матрас. И я не удержалась – пожалела. И пусть он все еще верный хозяйский пес, но и собак нужно жалеть. Особенно когда знаешь, что собака обладает человеческой речью и имеет свой, пусть и странный, характер.

– Коша, да ложись ты рядом. Хоть раз нормально выспишься.

– Еще чего. Вдруг у меня по пьяной лавочке рефлексы включатся?

Он вовсе не был пьян – зачем-то преувеличивал. Но усмехнулась я по другому поводу:

– А я-то подумала, что ты все рефлексы научился отключать. Расписывал-то!

Уговаривать, понятное дело, не стала. Наверное, он прав в том, что никакой двусмысленности не допускает. Потом Ивану сможет с полной искренностью доложить, что меня пальцем трогал лишь при отработке захватов и ударов, – для него эта честность важна. Преданность – она ведь не только в том, где поймать могут, она в подсознании прошита базовой программой.

* * *

А на следующий день мы дождались освобождения. Иван пришел сам. Я едва не взвизгнула, увидев мужа. И он широченно улыбался, раскрывая объятия, в которых я и оказалась через секунду. Гладил по волосам, просил прощения за некомфортное приключение, но я уверенно заверяла:

– Да ничего со мной не случилось, Вань, не сахарная! И слава богу, что все обошлось… – невольно добавила вопрос: – Обошлось же?

Муж выпустил меня и повернулся к Коше.

– Рад, что ты в норме, сынок. Хотя и злюсь на тебя, аж врезать охота.

Коша даже не переспросил: «За что?» Просто ждал продолжения. Но я напряглась – не за то ведь, что меня выручил, нарушив приказ? Ваня не может всерьез ему это в вину ставить! И за это время мы с Кошей не то чтобы сблизились, но дошли все-таки до той точки, что я готова встать на его защиту, если таковая понадобится.

Но Иван заговорил о другом:

– Можно возвращаться домой, мы с ребятами там все вверх дном перевернули, теперь стопудово безопасно. Но ты, Кош, сначала одно пообещай: никаких терок, даже если Фатых в гости ко мне приедет, то руку пожмешь и глазки в пол опустишь.

– Что, простите? – Коша все-таки выдал легкую растерянность. – Вы с Алаевым опять в мире?

– А мы из него и не выходили! – удивил обоих Иван. – Не он это, не он! Понял? Я за последнюю неделю толком не спал и не срал, всех на уши поднял, но ничего не нашел, чтобы его слова опровергнуть. Да и не кретин он настолько, сам знаешь.

– Вы уверены, Иван Алексеевич?

– Почти на сто процентов. – Муж задумался. – Тот бык, которого вы в машине замочили, в его братве был, точнее, во внешней охране, но полгода как его оттуда вышвырнули. Алаев его называет исполнительным, но впадающим в панику по любому поводу. Для быка истеричность – это пиздец, а для других задач тот был совсем дебилом.

– Алаев может и врать.

– Может. И мотив у него есть. Но такие люди не ошибаются, Кош. Если Алаев тебя снять снайпером хотел, чтобы на него не подумали, то сделал бы это иначе, чем раньше делал. Ведь возле фитнес-центра почти его росписью подписались! А если бы он не тихо тебя хотел убрать, то зачем же так упорно в отказ идти – мол, не при делах и впервые слышу. Ненавижу эту мразоту, но трусом или идиотом не считаю. Потому ты сидел здесь, чтобы разборки без доказательств не начались. У нас с ним и так обострилась напряженка, если она вообще когда-то утихала.

Коша покачал головой – он явно сомневался в выводах Ивана или, как минимум, не пребывал в той же абсолютной уверенности. Однако продолжил от его слов:

– Допустим, что так. И если вы правы, то приняли самое разумное решение: меня на время убрали, чтобы обстановку не нагнетать, и быков не запустили. Кому-то очень хотелось, чтобы два самых влиятельных человека друг другу в глотки вгрызлись? Но тогда это может быть кто угодно – какая-нибудь мелкота или новички, которым доли на рынке не хватило. Они вышли на алаевского дебила и нашего Хребта, чтобы картинка сразу сложилась. Алаев бы думал, что мы перекупили его бывшего сотрудника, а мы – что он нашего.

Иван с тяжелым вздохом кивнул.

– Хребта, похоже, давно перекупили. Ребята подтвердили, что он среди своих нерв на старых врагов поднимал. И вот тебе моя претензия – ты на кой хуй Хребта замочил? Допросили бы пацана, сейчас бы уже выкашивали всех виноватых. И невиновность ебучего татарина бы уже под сомнения не ставили – вот верю ему, по логике сходится, но все равно свербит, не обвел ли он меня вокруг пальца, хитрожопый лис.

Коша развел руками, не желая оправдываться:

– Так даму вашу спасал, Иван Алексеевич. Некогда было разговоры вести. У меня с собой даже ствола не было – Анфисе оставил на всякий случай. Я ж не знал наверняка, что таким образом не хотят просто меня выманить.

Иван громко, зычно расхохотался, вновь притягивая меня к себе.

– Анфиса – тоже моя дама? Ну спасибо, сынок, всех моих дам спас! Даже тех, кого я в лицо с трудом вспомню. Но за эту девочку, – он сбавил тон и чмокнул меня в висок, – спасибо отдельное.

На это Коша не отреагировал, но как по мне, к нему претензий быть не может – он взял на себя защиту двух женщин, и ни с одной даже волоска не упало, а под продолжительностью жизни Хребта он не подписывался.

Уже на подъезде к дому я заметила, что изменилось. По углам периметра достраивали еще две будки охраны, а за въездом шныряли незнакомцы с металлодетекторами. Ответственно проводили ими по всем, кроме меня и мужа. Пистолет Коше оставили только после кивка Ивана. И машины осмотрели, включая ту, в которой сидели мы. Теперь у нас самая настоящая военная зона – наверное, и должностные перестановки муж устроил, чтобы исключить новое предательство. Чоповцы в этом плане даже лучше – их хоть тоже можно купить, но никаких серьезных тайн они при всем желании выдать не смогут, поскольку даже в дом не заходят. А внутри уже свои. У врага теперь меньше возможностей пройти два разнородных кордона, а купить сразу всех – слишком дорогое удовольствие, если, например, захотят снова вывезти одну меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_tal-yana/rasput-e

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити